

Арина
Арская

РАЗВОД

у тебя есть дочь

Арина Арская

Развод. У тебя есть дочь

«Литнет»

2024

Арская А.

Развод. У тебя есть дочь / А. Арская — «Литнет», 2024

— Да, — говорит Руслан на грани рыка. — Это моя дочь, но ты не должна была о ней узнать. — И ты пять лет все это скрывал? — в растерянности отвечаю я. — Будь моя воля, был бы аборт, — Руслан поскрипывает зубами. — Это ошибка, Аглая. Понимаешь? Эта стерва не должна была лезть в нашу семью. Я содержал эту девочку, но никак не контактировал, — разводит руки в стороны. — Она меня даже не знает! — Ты оставил ее с чудовищем, — шепчу я. — Как ты мог? — Все просто, дорогая, — зло усмехается, — я хотел сохранить нашу семью.

Содержание

Глава 1. Знаешь этого дядю?	5
Глава 2. А папа у тебя есть?	7
Глава 3. А кто он?	10
Глава 4. Я не знал!	12
Глава 5. Это была ошибка	14
Глава 6. Куда ее увезли?	16
Глава 7. Видеть тебя не хочу	18
Глава 8. Плохой дядя	20
Глава 9. Папа!	23
Глава 10. Лохушка	26
Глава 11. Не повезло	29
Глава 12. Надо поговорить	32
Глава 13. А ты?	34
Глава 14. Вот блин	36
Глава 15. Ты обещал	38
Глава 16. Кусай	40
Глава 17. Кто?	42
Глава 18. Выплывет или утонет	44
Глава 19. Ты скажешь мне правду?	46
Глава 20. А чего ты ожидал?	48
Глава 21. Покричи	50
Глава 22. Она меня ненавидит	52
Глава 23. Я зверски от всего устал	54
Глава 24. Это неправда!	56
Глава 25. Тетя Аглая устала	58
Глава 26. Ты же ее родила	60
Глава 27. Смешная тетя Аглая	63
Глава 28. Ты знал	65
Глава 29. Не могу...	68
Глава 30. Вот чего ты от меня ждала	70
Глава 31. Закрой за мной, Глаша	72
Глава 32. И что теперь?	75
Глава 33. Не судьба	77
Глава 34. Пошел ты	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Знаешь этого дядю?

— Вот твоя новая мамочка, — блондинка в кожаной куртке и белом мини-платье надувает розовый жвачный пузырь и толкает ко мне малышку лет пяти.

Красное пальтишко, белая шапка с ушками... Шапка чуточку криво надета.

— Давай иди, — блондинка вновь толкает девчущку, и та молча шагает ко мне и прячется за мной.

— Простите? — наконец, говорю я, когда блондинка разворачивается на носочках и спешно шагает прочь. — Эй, какого черта?!

— Не буду я с ней больше нянькаться, — оглядывается и кривится. — Она у меня неделю проторчала! Я устала!

— Это не мой ребенок!

— Она твоего мужа! — фыркает.

— Что за бред?!

— Романов Руслан Федорович? — блондинка останавливается и смачно жует жвачку. — Он же твой муж, да?

Я молча моргаю, и сердце покрывается липкой холодной слизью.

— Моя сестра от него залетела, — блондинка пожимает плечами. — И родила. Сейчас куда-то свалила. Без понятия куда, — разводит руки в стороны.

— Хочу к маме, — шепчет девочка и шмыгает.

— Это какой-то бред!

— Она получила по шапке от Коляна, — блондинка цыкает. — Походу, доперло, что не он папаша. Тоже, кстати, куда-то свалил. Может, вдвоем свалили? Я не знаю, тетя. Не мои проблемы! У меня завтра вылет в Италию. Меня там ждет жених, — отступает и скалится в улыбке, — офигенно богатый. На яхте покатает. Все, давай, пока!

Шагает прочь походкой от бедра, и девочка дергает меня за полу плаща. Я опускаю взгляд, и она шепчет:

— Хочу к маме.

— Если бы я знала, кто твоя мама.

— Маму зовут Ника, — девочка опять шмыгает. — Вероника... — она не выговаривает букву “р”, — Пу... Пу... — хмурится и заводит ручку за голову, — там написано... я не помню...

Наклоняюсь, аккуратно оттягиваю ворот пальто. Пришита бирочка “Пушина”.

— Пушина, — говорю я.

— Да, — девочка кивает и трет щеку.

Вместе с растерянностью о новости, что у моего мужа есть дочь на стороне, сердце сжимается от жалости к ребенку, которого буквально бросили.

— А тебя саму как зовут?

— Аня, — морщит нос и смотрит в сторону, — хочу к маме, — через секунду поднимает на меня взгляд. — Она ушла.

— Так, — прижимаю пальцы к губам. — И что делать?

— Маму искать.

И решительно топает прочь, поправляя шапку на лбу.

— Стоять, — хватаю ее за ворот пальтишка. — Так ты маму не найдешь, дорогуша.

— А как найду?

Смотрит на меня, будто я знаю ответ. Если честно, я сама хочу бежать прочь с криками к мужу и выяснять, что за ерунда происходит.

Но я женщина взрослая. Мне два дня назад стукнуло сорок, и в своей жизни я повидала всякого, поэтому мне непростительно сейчас хлопать ресницами и трястись от паники.

И неважно, чьего ребенка мне сейчас сунули, и бросить его — преступление.

— А тебя как зовут?

— Аглая, — выуживаю из кармана телефон и тяну девочку за собой, — идем, сядем.

— Идем. Посидим и маму искать?

Руки дрожат. Усаживаю Аню на скамью и рядом сажусь. Мотает ножками.

— Мама не говорила, куда ушла? — тихо спрашиваю я.

— Нет.

— Послушай...

— Да?

Смотрит на меня теми глазами, в которых нет детского озорства и наивности. Что-то в груди холодеет от прямого взгляда Ани, будто я столкнулась со взрослым в теле ребенка, и этот взрослый пережил многое.

— Ань, — стараюсь говорить спокойно. — Твою маму могут найти только дяди или тети-полицейские.

Хмурится.

— Я не знаю твою маму, — поправляю шапку, которая сползает ей на брови. — Ни разу не видела. Понимаешь?

Кивает.

Как можно бросить ребенка? Такого маленького и беззащитного?

— Я сейчас позвоню в полицию...

Опять кивает, а я закусываю губы. На меня обрушивается воспоминание, в котором отец меня потерял на прогулке у аттракционов. Я, кстати, тогда тоже не плакала. Разрыдалась только в объятиях мамы, а до этого слонялась среди больших взрослых и тихо спрашивала, где папа.

— Позвоню в полицию, — повторяю я. — Они тебя заберут и будут искать твою маму.

— Ладно, — теперь Аня смотрят вперед, спрятав руки в карманы. — Почему тетя Аля так не сделала?

— Не знаю, — едва слышно отвечаю я. — Не бойся, все будет хорошо...

Поджимает губы и сводит брови вместе:

— Я не боюсь.

— Зато мне страшно, — едва слышно шепчу я и касаюсь экрана смартфона. — И мне сейчас непонятно.

Аня разворачивается ко мне и поднимает взгляд:

— Я часто оставалась одна. И одна гуляла. Недалеко. Во дворе, но одна.

— Господи, — между лопаток бежит озноб.

— Поэтому могу одна искать маму.

— Нет, — тихо и строго говорю я. — Ты маленькая, а в мире много плохих взрослых. И как ты будешь искать маму, если я, большая тетя, не знаю, как это делать?

Молчит и щурится. Что-то внутри обрывается. Прищур знакомый. Это прищур Руслана. Моего мужа.

— А вы хорошая тетя? — спрашивает Аня.

— Я хочу так думать, — ищу в телефоне фотографию Руслана и показываю Ане, — ты знаешь этого дядю?

Глава 2. А папа у тебя есть?

— Нет, — Аня качает головой. — Не знаю, — поднимает взгляд, — а кто это? Плохой дядя? И когда приедут поли...цекс... политец...

— Полицейские, — говорю я.

— Да, когда они приедут маму искать?

— Все, я им звоню...

Прикладываю телефон к уху, и Аня с тяжелым вздохом приваливается ко мне:

— Да уж.

— А папа у тебя есть?

— Есть, — Аня медленно кивает, — но он часто кричит, что он не мой папа. Он меня не обнимает...

Стискиваю зубы и зажимаюсь.

Ко мне привалилась в детской печали и незамутненности чужая ошибка, и меня начинает трясти от страха, что это мой муж постарался, и от дикой жалости к маленькому человеку.

— Здравствуйте, — говорю я, когда раздается строгий голос дежурного. — Тут такое дело... Мне подкинули чужого ребенка...

Аня трет нос и покачивает ножками.

— Куда подкинули?

— Незнакомая девушка всучила девочку лет пяти и ушла...

— Куда?

— Я откуда знаю?

— Всучила ребенка и ничего не сказала?

Аня вытаскивает из кармана карамельку в зеленой обертке и протягивает мне. Я качаю головой, а сама готова разрыдаться. Аня пожимает плечами и разворачивает обертку.

— Девочка не ранена?

— Нет... Вроде бы нет...

Аня сует карамельку в рот и задумчиво сосет ее. Расправляет фантик и затем прячет его в карман:

— Такого у меня еще нет.

— Когда вы будете?

— Адрес какой?

Я диктую адрес. Свой адрес вместе с номером квартиры.

— Минут тридцать. Ожидайте.

Гудки, и я прячу телефон в карман. Маникюр отменяется.

— Ты голодная?

— Поплитеские едут? — поднимает взгляд.

— Едут.

— Хорошо, — кивает и опять смотрит перед собой, сосредоточенно рассасывая карамельку.

— Ты голодная? — повторяю я вопрос.

Возможно, я поступаю неверно. Возможно, я дура дурой, но я уже сама замерзла. Мой гнев, ревность и растерянность подождут.

Аня кивает.

— Пошли, — встаю.

Аня смотрит на меня с подозрением:

— Вы хорошая тетя?

— Я сейчас пытаюсь быть ею, — сглатываю.

— Получается?

— Не знаю.

— Я тоже часто стараюсь быть хорошей девочкой. Но... не получается.

Я не выдерживаю взгляда детских глаз, в которых вижу тень Руслана, и отворачиваюсь, прижав дрожащие пальцы к губам:

— Господи...

— Идем, — Аня соскакивает со скамьи. — Плохие не зовут кушать.

— Зовут, — шепчу я и вновь смотрю на Аню. — И обещают разное.

Недоуменно причмокивает.

— Все, — подталкиваю ее вперед. — Идем, а то я сейчас сама запутаюсь.

Оглядывается и хмурится:

— А что кушать будем?

— У меня есть куриный суп и утка с картошкой, — вздыхаю я, — и шарлотка.

— Шарлотка?

— Шарлотка. Сладкий пирог с яблоками.

— Ладно, — деловито топает к кованым воротам мимо припаркованных машин. — Суп не буду, а утку еще не ела.

Достаю ключи и, придерживая Аню за ворот пальто, веду к калитке. Прикладываю ключ к панели домофона. Раздается писк.

Завожу Аню за калитку, и мы идем ко второму подъезду. Она останавливается и с интересом смотрит на детскую площадку. Поправляет шапку и оборачивается на меня.

— Ань, сейчас не до игр, — тихо отзываюсь я, а в груди в очередной раз переворачивается сердце.

Кивает, и мы продолжаем путь. Пятится, когда мимо проезжает лихой мальчишка на роликовых коньках, и прижимается ко мне. Медленно выдыхает и серьезно говорит:

— Напугал.

— Да, — шепчу я. — Любят тут погонять.

— Угу.

В подъезде Аня с интересом оглядывается, резюмирует, что у меня тут красиво и чисто. И много места. Удивляется диванчикам в холле, пальмочкам в горшках и большой люстре у потолка.

— Идем, — я аккуратно подталкиваю ее вперед к лифтам.

— А кто это рисовал? — указывает на одну из картин на стене с летним пейзажем в массивной золотой раме.

— Не знаю.

— А это? — показывает на зимнюю долину.

— Не знаю.

— Я тоже умею рисовать, — оглядывается, но тут ее внимание переключается на картину с рыжим котом у вазы с фруктами. — Котик. Хороший котик.

Через минуту она расхаживает по лифту вокруг меня, глядя под ноги.

— Кто-то же все это нарисовал... Но кто? — останавливается и смотрит на меня. — И чей это котик? Я люблю котиков, но мама не разрешает их гладить, потому что они грязные и больные.

Вот тут я не выдерживаю. Выхватываю телефон из кармана и быстро щелкаю Аню на камеру.

— Что ты делаешь?

— Сфотографировала тебя, — едва слышно отвечаю я, а сердце скачет дикими прыжками к глотке.

— Зачем?

- Надо, — касаюсь экрана и отправляю фотографию Руслану. Без пояснений и вопросов.
- Надо, Аня, надо.
- Покажи, — тянется к телефону. — Хочу посмотреть. Я красивая?

Глава 3. А кто он?

В эфире тишина на снимок.

Две бледные галочки говорят, что фотография не просмотрена. Жду еще секунд десять.

Аня тем временем разувается, снимает пальто, прячет в рукаве шапку, серьезно насупившись, и смотрит на меня.

Забираю ее пальтишко, прячу в шкаф и сама разоблачаюсь. Аня терпеливо ждет.

Странный ребенок.

Я помню своих в пять лет, и они вели себя иначе.

Она неожиданно наклоняется к моим туфлям и ставит их рядом со своими ботиночками на одной линии.

— Вот так.

Распрямляется, и мы несколько секунд смотрит друг другу в глаза. Трет нос и отводит взгляд.

На комоде вибрирует телефон, и я вздрагиваю.

Самый лучший муж: Давай только без глупостей. Я скоро буду.

Я торопливо печатаю: “Значит это и правда твоя дочь”.

Аня тяжело вздыхает.

Я выключаю телефон и шагаю в сторону гостевой уборной:

— Идем руки помоем.

В стрессовых ситуациях меня никогда не кроет дикими эмоциями, слезами или паникой. Потом нагонит. Я это знаю.

— Ладно... — молчит пару секунд и шепчет. — А еще я писять хочу...

Закусываю губы и киваю.

Как же так вышло?

Я должна сейчас не спеша идти прогулочным шагом на маникюр, наслаждаться первыми холодами и слушать музыку со стаканчиком горячего кофе в руках.

На автомате подхватываю низкую скамеечку, что стоит у унитаза, ставлю перед раковиной и поднимаю на нее Аню.

Закатываю ее рукава.

Включаю воду, проверяю на температуру и сую в ее ладошки мыло.

А затем шокировано отступаю от нее к двери уборной.

Я также поступала со своими детьми, когда они были маленькими. И я все действия повторила неосознанно и с чужой девочкой.

— Что? — Аня смотрит на меня через отражение зеркала и намыливает руки.

Роняет мыло, ойкает и сосредоточенно ловит его в раковине.

Из прихожей доносится звук настойчивой вибрации, а меня накрывает волна слабости и жара. От макушки до пят.

Но не того жара, что просыпается от поцелуев и неги в мужских объятиях.

Этот жар приходит вместе с паникой.

Вибрация замолкает и вновь нарастает.

Аня хватает мыло, возвращает в мыльницу и ополаскивает ладони. Потом тянется к крану и закрывает воду.

Неуклюже срывает полотенце с крючка на стене и вытирает руки.

Смотрит на крючок, на полотенце и вздыхает, понимая, что у нее не получится повесить обратно.

Она складывает полотенце и кладет на бортик раковины.

Подозрительная аккуратность. Будто выученная наказаниями и ремнем.

Аня соскакивает со скамейки, и выхожу из уборной:

— Идем.

— Я вам не нравлюсь?

Оглядываюсь. Заправляет волосы за ухо и моргает.

— Дело не в этом.

— А в чем? — хмурится.

— У взрослых свои причуды, которые детям не понять. Идем.

— Я хочу встать взрослой, — Следует за мной.

Во мне нет жалости или умиления к Ане. Или желания обогреть. Я действую из логики того, что я взрослая, а она ребенок. Голодный и брошенный.

Это не слезливая доброта к милой крошке, а осознание того, что я должна быть человеком, а только потом обманутой женщиной, которая ничего не понимает.

— Взрослые сами все решают, — говорит Аня, взбираясь на стул.

Я лезу в холодильник. Через минуту разогреваю в микроволновке запеченную картошку и утку, что я порезала на небольшие кусочки.

— Взрослым легче, — вздыхает Аня.

— Я бы так не сказала, — смотрю на нее, привалившись к одной из кухонных поверхностей.

— Ты хочешь быть опять маленькой? — Аня подпирает лицо кулачком.

— Подловила, — скрещиваю руки на груди. — Нет. Я не хочу быть опять маленькой.

— Вот, — Аня вздыхает.

Микроволновка пищит, я вздрагиваю, нырнув на несколько секунд в холодное оцепенение.

— Спасибо, — говорит Аня, когда я ставлю перед ней тарелку и кладу вилку. Поднимает взгляд. — А шалотка?

— Шарлотка, — тихо поправляю я ее. — Сейчас будет. Чай еще заварю.

— Вы хорошая, — подхватывает вилку.

Минуту смотрим друг другу в глаза.

— Я могу начать? — неожиданно спрашивает она.

— Что, прости?

— Я могу начать кушать?

От ее вопроса мне становится зябко.

— Да, — растерянно отвечаю я. — Конечно.

Кивает и накалывает на вилку кусочек утки. Провожу ладонью по шее и отвлекаюсь от липкого страха в груди на чай.

Этот страх из детства, в котором я за столом могла получить оплеуху от отца за то, что громко чавкаю.

И Аня кушает тихо. Закрываю глаза. Я ведь все это оставила в прошлом. И меня от отца-тирана спас Руслан, который буквально физически отстоял меня.

— Ты грустная.

— Задумчивая, — лезу в шкафчик за пачкой чая. — И ты того дядю, которого я тебе показывала на фотографии, точно не знаешь?

— Нет.

— И ни разу не видела? — внимательно вглядываюсь в настороженные детские глаза.

— Нет, ни разу, — мотает головой. — А кто он?

Глава 4. Я не знал!

— Аню забрали, — говорю я, когда на кухню врывается мой муж Руслан. Подпираю лицо кулаком. — Вот так дела, да?

Раздувает ноздри.

Меня бесит моя особенность характера, которая выражается в некоторой отстраненности в сложных ситуациях.

Кто-то скажет, что это хорошо.

Да. Например, когда у сына был открытый перелом ноги, это мне помогло, а сейчас бы я хотела кричать и скандалить.

Бросать тарелки в Руслана, орать, какой он урод и мерзавец.

Но с точки зрения практичности, это никак не изменит ситуацию.

— Я ее накормила и сдала полиции, — шурюсь. — Девочка утку никогда не ела.

— Аглая...

— Я взяла номерок у милой тети-полицейской, — я не моргаю. — Попросила быть с девочкой подобнее. Это же какая жесьть. Бросить ребенка.

— Ты...

— Что? — перебиваю Руслана. — Я с ней мило поболтала. И ей будто не пять лет. И это страшно.

Поскрипывает зубами, выдыхает и тихо говорит:

— Ты поступила правильно.

— Да ты что?

Минутное молчание, и руслан сглатывает.

— Она твоя? — хмурюсь.

Отворачивается. На щеках играют желваки, а у скул проступают красные пятна гнева. Вот сейчас в груди колет тонкой иголкой.

У нас через неделю фарфоровая свадьба. Двадцать лет. Заказан банкетный зал, приглашены гости.

— Да, — говорит Руслан на грани рыка. — Это моя дочь, но ты не должна была о ней узнать.

— И ты пять лет все это скрывал? — в растерянности отвечаю я. — Ей ведь около того.

— Будь моя воля, был бы аборт, — Руслан поскрипывает зубами. — Это ошибка, Аглая. Понимаешь? Эта стерва не должна была лезть в нашу семью. Я содержал эту девочку, но никак не контактировал, — разводит руки в стороны. — Она меня даже не знает!

— Ты оставил ее с чудовищем, — шепчу я. — Как ты мог?

— Все просто, дорогая, — зло усмехается, — я хотел сохранить нашу семью.

Отвожу взгляд и смотрю перед собой. Ничего удивительного и невероятного я не услышала от мужа.

Мужчины иначе смотрят на этот мир.

Вот мой папаня до сих пор считает, что он крутой отец-молодец и замечательный муж. И вообще он всегда все делал ради семьи.

Вот и мой муж тоже ради семьи скрыл интрижку и дочь.

— Я о ней узнал только после рождения, Аглая, — глухо говорит Руслан.

Я вновь смотрю на него.

— И как это оправдывает всю ситуацию в целом? — приподнимаю бровь.

— Нам стоит оставить эмоции.

— А я разве кричу? Я хочу кричать, но у меня не выходит, милый. Ты же не зря однажды назвал меня холодной рыбой.

— Да вашу ж Машу, — усмехается он. — Что ты еще сейчас вспомнишь?

— Ты прав, — киваю. — Я перескочила с темы. Защитная реакция. Не хочу верить в то, что ты мне изменил, а после спокойно жил, зная, что у тебя есть дочь.

— У нее была семья! — Руслан повышает голос. — Папа имама! Или мне надо было ее притащить тебе?

— Но в итоге мне ее притащили, — невесело хмыкаю я. — Подросшую и... Я даже не знаю, как ее описать, — я тоже повышаю голос. — Это не пятилетний ребенок! Ей положено бояться, плакать, а она... Как ты мог?!

— Меня не спрашивали, готов ли я стать папулей! От меня только денег хотели!

— Не спрашивали? — охаю я. — Мне тебе лекцию провести, откуда берутся дети?

— Я не знал, что она залетела! Не знал!

— Но потом узнал!

— Поэтому я ее и содержал!

— И не проверял?

— Я не считаю себя ее отцом, — Руслан выдыхает через нос, и его ноздри вздрагивают. — И она пожалеет, что влезла.

— У нее есть имя, — постукиваю пальцами по столешнице. — Вероника. И это не она привела Аню, а ее сестра. Та еще штучка. Может, ты и с ней пошалил?

Глава 5. Это была ошибка

Старшая дочь Анфиска учится в университете на дизайнера одежды на третьем курсе. Талантливая девочка с интересным взглядом на этот мир и уже работает над созданием своего бренда. Мы ее в этом поддерживаем. Руслан уже готов финансово вложиться.

Творческое начало в Анфиске — от меня. Я одежду не шью, но я занимаюсь парфюмерией. Я с духами капризная дама. Меня всегда что-то не устраивает, поэтому после вторых родов решила сама создавать “шедевры”.

Младшему сыну Антону пятнадцать. Сейчас он в горном походе с одноклассниками. Не хотела отпускать, но меня уговорили. Мальчик он шепутной и резвый. Был с детства таким. Никогда не сидел на месте, и в этом он похож на Руслана, который тоже любит активный отдых.

А потом я сломалась.

Физически. Последующие беременности заканчивались выкидышами на ранних сроках. На четвертой кровавой простыне я приняла решение больше не пытаться. Руслан согласился, что пятая неудача может привести меня в палату с мягкими стенами.

Я ему не говорила, но подумывала о том, что когда Антон выпорхнет из нашего гнездышка, то я предложу усыновить или удочерить ребенка из детдома.

Это были довольно призрачные планы, по большей части идеализированные мечты, в которых мы дарим несчастной сиротке семью и шанс на светлое будущее.

Я не обсуждала эту тему, потому что подозревала, что мой муж будет категорически против. У него есть свои предубеждения по этому поводу.

— Я не знал, что у нее есть сестра, так что ее ты на меня не повесишь, — Руслан делает шаг к столу, за которым я ушла в размышления о своей жизни. — Аглая, это была случайная связь. Я сорвался, и меня в известность о девочке поставили постфактум.

— Я уже это слышала, — медленно и устало моргаю. — И, кстати, она на тебя очень похожа.

— Прекрати, — цедит сквозь зубы.

— Это констатация факта, — пожимаю плечами. — И ведь, что у нас с тобой выходит, Руслан, — слабо улыбаюсь, — нам тогда стоило развестись? То есть... Я своим женским нутром чувствовала, что ты мне изменяешь. Так?

— Да, у нас тогда был кризис...

И наш кризис не был громким и скандальным.

Мы в один момент отдалились. И сделали это мы оба. Оба шагнули друг от друга в разные стороны.

Я с содроганием помню то время.

Я никогда не была веселушкой-хохотушкой, но тогда около шести лет назад я просто нырнула в черную безрадостную тоску без причины.

Мои успехи обратились для меня в неудачи, семья стала клеткой, а в Руслане я перестала видеть мужчину. Только отца наших детей, и этот отец меня раздражал до тихого гнева.

И тогда я задалась вопросом, а зачем я вышла замуж? Для чего? А зачем родила детей, потому что приколы и выкрутасы Анфиски с Антоном меня вымораживали до состояния немого отупения.

Я потеряла и к ним нежность и привязанность под гормональным дисбалансом, который после серьезного разговора с Русланом о том, что все идет на дно, я выправляла около года.

— Так ты хочешь подвести все к тому, что в твоей похоти виноват наш кризис?

— Это была ошибка, — Руслан игнорирует мой вопрос. — И да, я решил, что лучше тебе всего этого не знать, Аглая. Я не хотел терять тебя, семью. Да у нас все было непросто, но мы же справились.

— Да я бы не сказала, что справились, раз у тебя ребенок на стороне растёт, — горько усмехаюсь. — И твои разговоры об ошибке и о том, что я не должна была знать, можно со скрипом назвать логичными, Руслан, но ровно до того момента, когда вскрылась правда об Ане.

— Чего ты от меня хочешь? — Руслан переходит почти на крик. — Чтобы я себе устроил вторую семью? Участвовал в воспитании этой девочки? Такой бы вариант тебя бы устроил? Что ты несешь?

— Меня бы устроил вариант, в котором ты верный муж! — резко встаю и сжимаю кулаки.

— Да с тобой тогда рядом находиться было невыносимо! — от голоса Руслана дрожит люстра над головой. - Не только я хотел от тебя сбежать, но и наши дети!

Глава 6. Куда ее увезли?

— И очень интересно, что скажут наши дети, когда узнают, что у папочки есть внебрачная дочь! — рывкаю я.

Пальцы на ногах немеют.

Это знак того, что меня начинает сжирать гнев.

— Они не должны о ней знать!

— Почему?

— Может, ты еще сейчас заявишь, что надо ее забрать у родителей и притащить к нам?!

— Я к этой девочке не имею никакого отношения! — меня трясет. — Это твоя дочь! Ты несешь за нее ответственность! Есть моральные нормы, Руслан! Тебе они могут не нравиться...

— Я повторяю! Меня никто не спрашивал, хочу ли я этого ребенка или нет!

— Это не имеет значения! Твоя шлюха привела в мир человека! А раз ты совал в нее свое достоинство...

— Я должен был пожертвовать нашими детьми?!

— Быть честным со мной и с детьми — это принести их в жертву? — удивленно охаю я. — Вот как? Ты потерял власть над ситуацией, когда она родила! Нет, даже раньше! Это и ежу понятно, что все однажды вскрылось бы! И я не о том, чтобы тащить мне нагулянного ребенка! Это твоя зона ответственности, и она не измеряется только деньгами, которыми ты все привык решать! И что бы ты сейчас ни сказал, ничего из этого не оправдает тебя ни в случае твоей измены, ни по поводу Ани!

Отворачиваюсь от него к окну и прижимаю кулак к подбородку.

Закрываю глаза и медленно выдыхаю.

— Глаш, — Руслан касается моего плеча, которым я зло дергаю.

Он рывком разворачивает меня к себе. Молчит. Я тоже молчу. Смотрю в его глаза.

Конечно, я могу сейчас пустить слезы и сопли ручьями с вопросом “за что?”, “почему?” и “чего тебе не хватало?”, но хочу ли я действительно услышать правдивые ответы?

Я и сама от себя хотела сбежать в те дни, когда накрыло черной меланхолией и нежеланием просыпаться.

— Эта девочка...

— У нее есть имя, Руслан, — шепчу я. — Вне твоей измены, подлости и лжи это маленькая девочка, которую бросили. Сначала бросил отец из-за трусости, потом мать, затем тетя.

— Если ты так хочешь ее укрыть крылышком, — цедит сквозь зубы, — то я могу тебе это устроить.

— Ты меня не слышишь!

— Я не могу понять, чего ты от меня хочешь!

— Я после такого не вижу нашу семью вместе, — шурюся. — И нет, я не рвусь воспитывать Аню. Это твоя дочь, мой милый.

— Я так не считаю, — поскрипывает зубами.

— Ты продолжаешь себя закапывать в моих глазах, — всматриваюсь в его покрасневшее от гнева лицо. — Я тот человек, который понимает ошибки и почему люди их совершают, но лишь в том случае, когда за них берут ответственность. И ни ты, ни твоя Вероника не хотите этого делать.

— У нас с ней была четкая договоренность, — Руслан взгляда не отводит. — И на все условия она согласилась.

— Уж тебе ли не знать, что любую договоренность можно разорвать? М? — презрительно вскидываю бровь. — Ты же не мальчик, Рус. Серьезный дядечка.

— Я взял на себя столько ответственности, насколько потянула эта ситуация.

Затем он выхватывает из кармана брюк телефон, глядя мне в глаза:

— Да и на тот момент новость о моем внебрачном ребенке усугубила бы твоё состояние, Аглая. Давай будем честными. Мы бы потеряли тебя.

— Какой ты у меня заботливый, — мило улыбаюсь. — Ну, прямо-таки образцовый муж. Только вот вопрос. Почему мне сейчас так тошно?

— Я тоже сейчас не брызжу радугой, — касается экрана смартфона. Поднимает взгляд. — И не переживай. Девочкой займутся.

— Аня. Её имя — Аня.

— Да мне всё равно, — Руслан прищуривается. — Не я это имя дал. Ясно? И на руках не держал. Рождения её не ждал, и отекишие ноги её матери не массировал. И ты сейчас к серьёзному разговору не готова.

Разворачивается и шагает к двери.

— Это я-то не готова?

— Ты в этой девочке видишь себя, — оглядывается. — Ведь так, да? Вот тебя и пере-клинило. Давай-ка ты, как советует твой психотерапевт, отделишь себя, как мою жену и как мать моих детей, от девочки, которую теряли в детстве.

— Не смей мне сейчас говорить такое.

— Ты зачем привела её к нам домой? — Руслан вопросительно приподнимает бровь. — Зачем накормила?

— Потому что она замерзла и была голодной! Господи, Руслан! Что за вопросы?!

Вздыхает, прикладывает телефон к уху и выходит из кухни.

— Саш, — говорит он с мрачной решительностью. — Значит, слушай...

Касаюсь тыльной стороной ладони шеи и вновь смотрю в окно. Небо низкое, тяжелое и серое.

Не хочу соглашаться с Русланом в том, что если бы он был со мной честным сразу, то я бы слетела с катушек.

— Найди эту суку, — доносится из коридора. — Без понятия, Саш. Ты же с ней держал связь. Это твой косяк.

Поглаживаю шею.

— Аглая!

Сглатываю и закусываю губы до боли в желании вызывать в себе слезы, но это не помогает.

— Куда её увезли? — голос Руслана звучит за моей спиной.

Глава 7. Видеть тебя не хочу

— Кто такой Саша? — плавно разворачиваюсь к Руслану, который устало обходит меня и садится за стол.

— Тот, кто после теста ДНК занимался тем, что перечислял деньги, — поднимает на меня взгляд, — и тот, кто контролировал и отчитывался мне.

— Фигово контролировал.

— Не спорю, а теперь будь добра, дай мне явки и пароли, куда девочку увезли.

И я не вижу в его глазах стыда или сожаления. Или беспокойства.

— Вышла некрасивая ситуация...

— Некрасивая ситуация? — шепотом повторяю я.

Он будто не изменил мне, а случайно наступил в собачьи фекалии, потом натоптал и такой “ой, как некрасиво получилось”.

— Мать девочки найдут.

— Почему ты избегаешь имен?

Руслан отворачивается, сжимает переносицу и хмурится, будто ему очень больно. Вытаскиваю из кармана юбки клочок бумажки с номером телефона и адресом детского приемника-распределителя, в который должны отправить Аню во время поисков ее “родителей” или других близких родственников.

У меня губа дергается.

Аня на прощание обняла меня и подарила фантик от конфеты. Тот самый фантик, которого у нее нет в коллекции.

И это фантик вылетел из кармана, когда я вытащила клочок с телефоном и адресом.

Лежит теперь на белом кафеле.

Наклоняюсь, подхватываю фантик и разглаживаю его на ладони.

— Не Саша этим должен заниматься, — говорю я, когда Руслан фотографирует клочок с адресом и телефоном, — а ты.

Вновь смотрит на меня:

— Я так не думаю.

— Измена изменой, мой дорогой, а важно оставаться человеком. Наши дети все равно узнают, но я думаю, что об этом ты сам должен сказать, — прячу фантик в карман. — Не будь уродом, Руслан.

— Я не хотел терять семью, — медленно выдыхает.

Наклоняюсь и касаюсь его щеки:

— Но не ценой одной судьбы.

— Ты драматизируешь.

— Мы эти годы жили в иллюзии, — качаю я головой.

— Ради детей...

— Правда? Ты уже не в первый раз детьми прикрываешься, мой милый, — зло шепчу я. — И как бы мне ни было тогда дерьмово, а я была рядом с ними, а ты? Ты?

— Довольно.

— Ты у нас то в командировках, то на встречах... Сбегал от унылой жены, да? — усмехаюсь. — А чего детей не прихватил, раз им тоже было плохо? Что же ты их со мной оставлял? Ну надо же. Накормленные, чистые, с проверенными уроками... Я была в их жизни, Рус. И свои обязанности выполняла, заботилась! А ты ничего не предпринимал, пока я не сказала, что хочу развестись, ведь тебя все равно рядом не было.

— Я не понимал, что с тобой происходит! — повышает голос и встает.

— И поэтому ты полез на другую, да?!

В его глазах пробегает тень.

— Успокойся, — рычит он. — Возьми себя в руки. Все это происходящее — не твое дело. Я же сказал, разберусь. Не выводите меня.

Затем воцаряется гнетущая тишина, кажется, длится целую вечность, но я ее все же прерываю:

— Не выводить? Серьезно? И кому из нас надо брать себя в руки.

Вздрагиваю, когда на столе вибрирует мой телефон. Звонит Лена. Та Лена, которая унесла Аню на руках.

— Да?

— Здравствуйте, — она представляется по имени и званию.

— Да, я вас внесла в контакты.

— Мы осмотрели девочку...

— И?

— У нее гематомы на ягодицах. Я могу предположить, что от ремня...

Накрываю лицо ладонью. И ведь она даже не морщилась, когда садилась.

— И она не говорит.

— Что?

— Молчит, — Лена вздыхает. — Ни на один вопрос не отвечает.

— Подождите, — сглатываю я. — Со мной она шла на контакт. Психолога пригласите.

— Психолог рядом сидит. Вы бы не могли подъехать? Составим новый протокол с ваших слов. И еще...

— Что?

— Она обмочилась. И не дает ее переодеть.

— Ясно.

Отступаю, когда Руслан вскидывает руку, чтобы отобрать телефон.

— Я скоро буду.

Меня обдает жаром, ознобом и липкой слабостью. И я сама будто в мокрых трусиках и колготках.

И я слышу раздраженный голос отца: «Опять?! Ты опять обоссалась?»

Пячусь к двери под тяжелым взглядом Руслана к двери, сжимая телефон.

— Ты куда не поедешь.

— Собирай свои вещи, и я видеть тебя тут не хочу.

Разворачиваюсь и торопливо выхожу из кухни. Через пару минут ставлю в кладовке стремянку и лезу к верхней полке за детскими вещами Анфисы.

— Что ты творишь, Аглая?

— Я выходила замуж за человека с принципами, — тяну к себе мешок с вещами.

Он падает на пол, и я осторожно спускаюсь:

— А не за мерзавца. Я не знаю, в чем причина твоей метаморфозы и, если честно, не хочу разбираться, — разворачиваюсь к Руслану.

— Наши дети были у меня в приоритете.

— У них есть мать! Хорошая мать, которая никогда на них руку не поднимала, — кричу я. — И ты бы остался для них отцом, если бы захотел! Но это куда сложнее, чем обманывать и играть роль якобы хорошего мужа! Я заслужила если не верности, то хотя бы честности, Рус! Но у тебя иной взгляд на жизнь, и я отказываюсь это принимать и понимать! Для тебя норма изменять, обманывать, а после еще прикрываться детьми! Ты якобы о них думал!

Отталкиваю его с прохода, вытаскиваю мешок, который затем развязываю.

— Это вещи Анфисы...

— А то я не в курсе, дорогой, — усмехаюсь я. — Я все равно планировала их отдать, но руки никак не доходили.

Глава 8. Плохой дядя

Захожу в небольшой кабинет. На продавленном диванчике в углу у шкафа, забитого папками, сидит насупленная Аня.

— Привет, — делаю шаг.

Она в ответ шмыгает.

Колготки низ подола мокрые.

Подхожу, сажусь перед ней на корточки:

— Как дела?

— Я описалась, — взгляд отводит.

— Надо тогда переодеться, — шепчу я. — Согласна?

Кивает.

— Смотри, — вытаскиваю из сумки вельветовые штанишки цыплячьего цвета с пуговичками-арбузиками. — Должны подойти.

Опять шмыгает и касается пуговичек.

— Еще вот, — протягиваю трусики с желтыми уточками, а затем показываю полосатые носочки. — Смотри, какие смешные. Как у клоуна.

Кусает губы.

— И есть еще кое-что, — делаю паузу.

— Что?

— Со мной к тебе кто-то напросился.

— Кто?

Вытаскиваю из сумки белого зайца с голубым бантиком под шеей.

— Вот.

Аня недоверчиво смотрит на меня, а затем несмело забирает у меня зайца.

— Переоденемся?

— Ладно.

Скрипит дверь. Аня напрягается, зайца к груди прижимает и щурится. Я оглядываюсь. В кабинет заходит Руслан. Рожа злющая, бледная и на виске пульсирует венка гнева.

Аня поддается ко мне и шепчет на ухо:

— Это тот дядя, которого ты показывала.

— Да, — отвечаю тоже шепотом. — Он приехал со мной.

— Зачем?

— Чтобы посмотреть на тебя, — слабо улыбаюсь. — Я ему о тебе рассказала, вот он и приехал.

— Он хороший?

— Нет, — отвечает Руслан и выходит.

Опять скрипят петли, щелкает язычок замка.

— Плохой дядя ушел, — подытоживает Аня. — Станный, — смотрит на меня, — маму так и не нашли.

— Давай переоденемся, — кладу руку на ее колено.

Аккуратно откладывает зайца в сторону. Гладит его уши и шепчет:

— Хороший.

Затем неуклюже снимает свитерок. Поправляет волосы, соскакивает с дивана, и я помогаю снять ей платье, а потом ботиночки и колготки с трусиками.

— Я сама, — говорит она, когда я протягиваю чистую футболочку.

— Ладно, — лезу в сумку за влажными салфетками. — Я могу протереть твои ножки?

Кивает.

Закусываю губы, когда вижу синяки.

Через минуту насупленно надевает трусики, штанишки и пытит над пуговицами.

— Помочь?

— Да.

Застегиваю арбузные пуговицы. Прячу влажные колготки с грязным платьем в пакет.

— А чья это одежда?

— Моей дочки.

— У тебя тоже есть дочка? — округляет глаза.

— Она уже взрослая, — улыбаюсь я. — И сынок есть. Но он тоже почти взрослый. Садись.

Ботиночки наденем.

Садится, и сейчас я замечаю, что она едва заметно кривится.

— Мне сказали, что ты не хочешь говорить...

— Я хотела, но не смогла, — пожимает плечами. — Так хотела, что описалась.

— Бывает, — вздыхаю я. — Я однажды описалась, когда чихнула.

Короткий и неожиданный смешок. Улыбается и опять хихикает.

— Правду говорю, — тихо отзываюсь я, приглаживая ее растрепанные волосы. — И громко так чихнула.

Смеется, а затем резко затихает и вздыхает.

— Аня, — шепчу я. — А ты со мной поговоришь?

— Да.

— Маму зовут Пушина Вероника. Так?

Кивает.

— Папу? Папу как зовут?

Хмурится. Блондинка, что всучила мне Аню, говорила о каком-то Коляне.

— Коля? — спрашиваю я.

— Да.

— Коля Пушкин? У вас одна фамилия?

Неуверенно кивает.

— Тетя у тебя — Аля?

— Да.

— Алина?

— Не знаю.

— А вы с мамой и папой где живете?

— На четвертом этаже.

— Адрес не помнишь?

Мотает головой и шепчет:

— Но у нас во дворе есть красные качели.

— Ясно, — откидываюсь назад.

Мнет уши плюшевого зайца, затем тискает его нос и касается глаз:

— А как его зовут?

— Бублик, — едва слышно отвечаю я. — И у Бублика есть один вопрос.

— Какой?

— За что тебя наказала тетя Аля?

Аня разворачивается ко мне и шепчет:

— Я плохо себя вела.

Протягиваю руку, касаюсь ее волос и задумчиво всматриваюсь в ее круглое личико с пухлыми щеками:

— Меня тоже наказывали, когда я плохо себя вела. Папа у меня был очень строгим.

— У меня тоже, — кивает. — Иногда бывает очень злым.

— Мой папа часто злился, — перевожу взгляд на потолок, по которому ползет таракан. Самый настоящий таракан. Жирный такой, неповоротливый и даже ленивый.

— Сейчас упадет, — Аня хмурится.

— Думаешь? — задерживаю дыхание.

Таракан падает, исполняя пророчество маленькой девочки, шмякается об пол и убегает под шкаф.

— Ты была права, — удивленно моргаю. — Упал.

— Их тут несколько, — Аня зевает, показывает в сторону стола, — двух видела там, а еще одного вот там, — указывает угол у окна, а потом цокает. — Не люблю я их.

Опять скрипит дверь, и вновь в кабинет заходит Руслан.

Стоит перед нами, спрятав руки в карманы брюк, и молчит.

— Опять пришел, — шепчет Аня и трет нос. — А зачем тебе на меня смотреть?

Руслан сглатывает, и кадык медленно перекачивается под его кожей. Ноздри вздрагивают, и глаза темнеют, когда Аня молча протягивает ему зайца.

— Прекрати, — сдавленно отвечает он.

— Это Бублик.

— Я знаю, — Руслан выдыхает через нос. — Я с ним очень хорошо и давно знаком.

Глава 9. Папа!

А затем Руслан сжимает челюсти и опять выходит. Аня недоуменно смотрит на меня. Я в ответ пожимаю плечами.

Я тоже ничего не понимаю.

— А кто этот дядя?

— Мой муж, — отвечаю я.

— И я ему не нравлюсь.

— Я думаю, что он боится тебя.

— Что? — Аня округляет глаза и смеется. — Почему? Он большой такой.

— И вот так бывает.

— А ты не боишься, — трет нос, глядя на меня. — Или боишься?

— Нет, не боюсь, — качаю головой.

— Я тебя тоже не боюсь, но хочу обнять, потому что ты грустная.

— Хорошо, давай обнимемся.

Я понимаю, что Ане сейчас нужен физический контакт с взрослым, чтобы почувствовать себя в безопасности. И она хитрит. С детской наивностью.

Прижимается ко мне, и я ее обнимаю. Крепко, но ласково.

— Ты пахнешь приятно. Конфетками.

— Спасибо.

Вздыхает. Молчим секунд пять, и она шепчет:

— А вдруг с мамой что-то случилось? А если ее не найдут? А если... — тут она всхлипывает.

Я тихим покряхтыванием сажу к себе на колени, обнимаю и покачиваюсь из стороны в сторону:

— Все будет хорошо, Аня.

И она плачет. Без криков. Тихо и почти без всхлипов. Только плечи вздрагивают.

— Ну вот, — шепчет она дрожащим голосом через минуту, вытирает слезы с щек, — разрыдалась.

И я улавливаю в ее голосе взрослые, презрительные нотки.

— Иногда полезно поплакать, — тихо отзываюсь я. — Я вот разучилась плакать. Иногда так хочется поплакать, но не выходит.

— Да? — недоверчиво спрашивает Аня.

— Да, — киваю я.

— Хочешь, спою грустную песенку, от которой я всегда плачу? — не дожидается моего ответа и тянет хриплым голосом, — пропала собакаа...

И опять в слезах утыкается в меня. Всклипывает теперь громче.

— Пропала... собака...

— По кличке дружок, — шепчу я, и Аню прорывает на рев.

А у меня самой по щеке бежит слеза. В кабинет заглядывает Лена, распахивает глаза и медленно исчезает за дверью, как в замедленной съемке.

— Собаку жалко... — воет в мою шею Аня.

— Собаку нашли, — уверенно говорю я.

Отстраняется. Заплаканная, покрасневшая и вся сопливая. Тянусь к пачке салфеток.

— Нашли? — губы недоверчиво дрожат.

— Да, — вытягиваю салфетку из пластиковой пачки. — Конечно, нашли. Хозяин долго ходил по дворам и нашел Дружочка под скамейкой.

— Голодного?

— Ну, — накрываю салфеткой ее сопливый нос, — его потом, конечно же, накормили и уложили спать на любимую подстилку, — высморкайся.

Выдыхает через нос, потом еще раз, и я аккуратно вытираю сопельки.

— Если собачку нашли, то можно не плакать, — серьезно говорит Аня. — Я просто не знала, что ее нашли.

— Можно поплакать и от радости, — откладывая салфетку.

— Это как?

— Хороший вопрос, Аня, — задумываюсь. — Иногда бывает так радостно, что аж плачешь. Плачешь и смеешься.

— Никогда такого не было.

— Жизнь большая и длинная, — тихо отвечаю я, — будет и такое.

— Ты — добрая.

— Думаешь? — вздыхаю я.

— Думаю, — решительно кивает. Прижимает ладошки к моим щекам. — И красивая.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

Затем она касается моих волос, сосредоточенно перебирает их и шепчет:

— И волосы мягкие.

Приваливается ко мне, и я кладу ей на колени Бублика, которого она задумчиво тискает:

— Мне грустно. И я не хотела... я не специально описалась. От меня много проблем.

Так мама говорит. Поэтому она и ушла.

— Мы не знаем, почему она ушла.

— Она устала от меня, — сжимает ушки Бублика. — И с папой часто из-за меня ругаются.

— Это не твоя вина, Ань, что... Взрослые не всегда бывают умными, рассудительными...

Замираем, когда слышим злой мужской и пьяный голос:

— Ну и где эта... эта... якобы моя дочурка? Руки убрал! Да стою я, стою! Видишь?

От его пьяных криков волосы на загривке поднимаются, а в сердце лопается шарик с липкой слизью страха и отвращения.

— Это папа, — шепчет Аня и вздрагивает. — Папу нашли.

Поднимает на меня испуганный взгляд.

— А можно сразу тут отказаться от нее?

Аня сползает с моих колен и кидается к двери, прижав к груди Бублика. Я за ней, мягко разворачиваю ее к себе у двери и шепчу:

— Останься здесь...

— Нет! — она вырывается и выскакивает из кабинета. — Папа!

В коридоре она застывает маленькой бледной куколкой. В метрах пяти от нас молодой мужчина лет тридцати еле стоит на ногах и отмахивается от пожилого сотрудника приемника:

— Да отвали ты!

Его ведет в сторону. Приваливается плечом к стене. Он хорошо одет. Вещи на нем дорогие, брендовые, пусть и помятые. И сам он на работягу совсем не похож. Да, опухший, но холеный.

— Папа, — Аня делает шаг.

— Я тебе не папа, — кривится и приглаживает волосы. — И никогда им не был.

Я выхожу вперед и закрываю Аню собой.

— Я не ее отец! — рявкает Пушин Николай на сотрудника приемника-распределителя. — Ясно? Я воспитывал чужую!

Одна из дверей открывается, и к "отцу" выходит молчаливый Руслан, который рывком затаскивает его за собой.

— Папа!

Хватаю Аню. Поднимаю ее на руки. Она пытается отбиться.

— Папа!

— На пару минут отошла в туалет! — в коридор выбегает Лена. — Что у вас тут случилось?!

— Папашу притащили, — вздыхает пожилой сотрудник. — Пьяный, как свинья.

— Ясно, — Лена поправляет воротничок рубашки и шагает к двери, за которым раздаётся глухой удар и пьяное ворчание.

— Папу забрал плохой дядя!

— Да папа у тебя тоже, похоже, очень нехороший человек, — Лена бросает на нее тоскливый взгляд. — Нашла коса на камень.

Глава 10. Лохушка

Мы сидим с Аней в загончике игровой комнаты на потертых мягких матах. Она молчит и смотрит на Бублика.

А я просто рядом.

Интуитивно чувствую, что сейчас бессмысленно лезть к Ане с играми в попытках отвлечь.

Больно за ее детскую душу. И я знаю, что этот момент отпечатается в ее памяти ожогом.

— Почему, — поднимает на меня взгляд, — почему папа меня не любит?

— Некоторые не умеют любить, — тихо и честно отвечаю я. — У таких, — касаюсь ее груди, — вот тут что-то сломано, Аня. И у таких людей не заслужить любовь, не добиться ее, как ни старайся. Иди сюда, — притягиваю ее к себе и обнимаю.

— Я буду любить Бублика, — сипит Аня.

— Я не сомневаюсь, — закрываю глаза.

— А тебя папа любил?

— Нет, — тихо отвечаю я. — Не любил и не любит.

— Хреново.

Аня испуганно отстраняется и круглыми глазами смотрит на меня:

— Так нельзя говорить...

— Нельзя, но ведь хреново же, — улыбаюсь я. — Тут не поспоришь.

Бледная, растрепанная и с опухшими глазами. Маленький потерянный человечек, которому очень не повезло с рождением.

Приглаживаю ее волосы и вновь улыбаюсь, а затем со вздохом прижимаю ее к себе. Целую в макушку:

— Все будет хорошо.

— Твой папа — дурак, — обиженно бубнит.

— Не буду спорить.

Слышу шаги. Оглядываюсь. В паре метроах от детского загончика останавливается Руслан.

— Что ты сделал с папой? — Аня отстраняется и воинственно встает. Сжимает кулачки. — Что? Я тебя не боюсь!

— Бери ее и поехали, — мрачно говорит Руслан.

Аня выдыхает и бросается к выходу, крепко прижимая к себе игрушечного кролика, но Руслан, конечно, быстрее.

Он ловит ее, подхватывает под яростные крики на руки и получает Бубликом по злой роже:

— Пусти! Папа! Папа!

— Пошли! — рывкает на меня Руслан, уворачиваясь от Бублика.

— Папа!

Я встаю. Руслан выходит из игровой комнаты. Аня с криками и слезами продолжает избивать его Бубликом по голове, шее и плечам:

— Пусти! Ты плохой! Плохой!

— Да я в курсе, — рычит Руслан.

И Аня вгрызается ему в ухо.

— Больно! — гаркает Руслан, и Аня резко отстраняется, чтобы опять его ударить Бубликом по лбу. — Прекрати!

— Нет!

Бац-бац-бац Бубликом по лицу. И опять крики.

Руслан ускоряет шаг. Я подхватываю сумку и следую за ним.

— Папа!

В коридоре, привалившись к стене, стоит с разбитым носом Николай и прижимает к лицу окровавленный платок.

— Папа! — Аня тянет к нему руку. — Папа!

— Я не твой папа! И никогда им не был! — шипит Николай и с ненавистью смотрит на Аню, которая замирает с протянутой рукой.

— Подождите, — меня за предплечье касается Лена, вынуждая остановиться, и заводит в пустой кабинет. Нервно приглаживает волосы. — Мы оформили, что девочку забрал отец по просьбе вашего мужа... Ну, это не совсем была просьба, конечно, — она вздыхает. Смотрит на меня с женским сочувствием. — Я и сама не хочу, чтобы она тут осталась... И отпускать ее с этим придурком...

— Мой муж - ее отец, — вздыхаю я. — Биологический.

— Мы сейчас нарушаем все правила, Аглая, — Лена сглатывает. — Если он отец, то для начала это надо установить через суд.

— Я знаю.

— Поэтому мы идем на хитрость, — Лена смотрит на меня прямо. — Девочку якобы вернули отцу.

Я киваю.

— Я должна попросить вас быть на связи...

— Я буду. У вас есть мой телефон, адрес, все данные.

— И если у нее отец такой, то... — Лена хмыкает, — мать-то, наверное, не лучше.

— Я не знаю, — устало пожимаю плечами. — У меня, если честно, на этот день были другие планы. Вместо френча получила внебрачную дочь от мужа. И что мне делать?

— Я в замешательстве.

— Я тоже, — массирую переносицу двумя пальцами. Поднимаю взгляд. — Но с пьяным утырком я ее оставлять не хочу.

Лена кивает, тяжело вздыхает и отходит от двери.

— Говорят, чужих детей не бывает.

— Спорное утверждение, — слабо улыбаюсь я. — Дело не в свой-чужой, Лен. А человечности. Она просто маленькая девочка, которую били до синяков.

— Я это все зафиксировала, — Лена понижает голос до шепота. — Если дойдет дело до суда...

— Я не знаю, что и до чего дойдет, — закидываю сумку на плечо. — Честно, Лен. Я ей ведь никто. Это мой муж должен решить все вопросы. А я... я не знаю. Мне просто ее очень жалко.

— Мне тоже, — Лена хмурится.

— Я пойду, — делаю шаг к двери. — И я буду на связи.

Выхожу к Николаю, который копается в кармане брюк. Поднимает на меня взгляд и усмехается.

— Что, теперь ты будешь ее мамашей?

Подхожу к нему вплотную, заглядываю в его и глаза и шепчу:

— И ведь проблема не в том, что она неродная, — шурюсь. — Просто ты гнилой, Коля. Ты бы и родного ребенка загнобил.

Выдыхает, и у меня аж глаза слезятся от алкогольных острых паров.

— Пошла ты, — кровавая слюна брызжет мне в лицо. — Сука тупая.

Мило улыбаюсь, и в следующую секунду бью коленом ему между ног. Резко и сильно. Выпучивает глаза, крикает, хватается за свои фаберже и валится на пол.

— Где твоя жена, соколик? — наклоняюсь к нему.

— Не знаю, — сдавленно хрипит. — Ушла... Я не знаю. Может, кобеля нового нашла. Тварь такая...

— Не зря говорят, что каждой твари по паре, — разворачиваюсь на носочках и иду прочь.

— А тебе нравится быть лохушкой, да?

Оглядываюсь. Какой он мерзкий и жалкий. И как напоминает мне отца. Только вот мой “папуля” мне родной, но это не спасло меня от разочарования в жизни.

— И выходит, что тебе по твоим сморщенным бубенцам дала лохушка? — отстраненно усмехаюсь. — И кто же тогда ты в таком случае?

Глава 11. Не повезло

Аня орет в машине дурниной. Я ныряю в салон, и она буквально с ревом кидается ко мне.

— Я рядом, — шепчу в ее спутанную макушку. — Тихо. Все, милая, я вернулась.

Руслан вертит в руках Бублика с лицом, которое просит кирпича.

— Отдай нам кролика! — рявкаю я.

Руслан протягивает Бублика. Наши взгляды пересекаются. Глаза его темные и холодные, а мои — разъяренные.

Все могло бы быть иначе в нашем браке, если бы не его слабость и эгоизм, который сначала толкнул к измене, а потом к отказу от ребенка.

Вырываю Бублика из его руки и сую Ане, которая резко замолкает и обиженно всхлипывает.

Вся дрожит от макушки до ног.

— Бубличек, — прижимает к груди игрушку и замуривается на несколько секунд.

Как жаль, что Бублик всего лишь игрушка. Будь он живым, то, возможно, шепнул Ане, что все будет хорошо и сам прижался к ней.

— Ты поедешь с нами, — тихо и спокойно говорю я. — Слышишь? Пока твою маму ищут...

Она не слышит меня. Я вижу, что она сейчас не со мной. Глаза пустые.

— Ань, — сглатываю. — Бублик хочет познакомить тебя с друзьями.

Вздрагивает и поднимает взгляд, который фокусируется на моем лице.

— Да, у Бублика много друзей, — улыбаюсь я.

Руслан на водительском сидении со вздохом откидывается назад.

— Конфетка, — начинаю перечислять я, — Пирожок, Забияка, Пышка, Толстунчик.

— Толстунчик? — повторяет Аня и вытирает слезы с щек.

— Бегемотик. Толстунчик, потому что пузатый. Любит покушать.

— А он с нами поедет? — Аня с шепотом кивает в сторону Руслана, который сжимает переносицу. — Он мне не нравится. И Бублику тоже.

— Очень интересно, — Руслан цыкает. — Бублик был моим лучшим другом в свое время.

— Неправда! Ты врешь!

Руслан разворачивается к нам и шурится на Аню, которая тоже шурится на него в ответ.

— И Бублик говорит, что кусаться нельзя.

И тут я замечаю на носу Руслана следы от зубов.

— Бублик говорит, что ты плохой, а плохих кусать можно.

Замахивается для удара, зло насупившись.

Она знает, что Руслан не ударит ее. Детская интуиция ей говорит, что мужик с покусанным носом не позволит себе ответить ей агрессией.

— Я заберу у тебя Бублика и сам с ним буду играть, — он шурится еще сильнее. — И хорошая тетя Аглая больше его у меня не заберет, ясно?

Аня смотрит на меня, крепко сискивая Бублика над головой. Ждет разрешения ударить плохого дядю и обещания, что я кролика верну.

— Есть одно важное правило, Аня, — голос у меня спокойный, — в машине не драться.

— Давай выйдем, — Аня вновь смотрит на Руслана, чьи брови ползут на лоб.

Секундное замешательство, и он смеется. Аня краснеет от гнева, раскрывает рот, а затем поджимает губы и шумно выдыхает.

— Господи, я еще с пятилеткой не выходил и не общался, — Руслан опять откидывается на спинку сидения, гогочет и прерывисто говорит. — Выйдем, блин.

— В машине кусаться же и драться нельзя! — Аня повышает голосок, — значит, на улице можно!

— Логично, да, — Руслан поглаживает щеку.

— Поехали, Руслан, — блекло обращаюсь к мужу, который кидает беглый взгляд в зеркало заднего вида.

— Она успокоилась?

— Дурацкое имя, — шипит Аня. — Мне не нравится.

Руслан игнорирует ее ценное замечание, пристегивает ремень безопасности.

Я наблюдаю за Аней, которая кривит рожи плохому дяде.

Это странно.

Они друг друга не знали, не видели, но сейчас между ними определенно есть связь, и именно эта связь оправдывает поведение Ани.

Она обижена и зла на Руслана, будто где-то в глубине души понимает, кто он такой и что он ее бросил.

— Нравится тебе или нет, — приглаживает пятерней волосы, — а быть тебе, похоже, Руслановой.

Вновь смотрит в зеркало заднего вида, чтобы поймать мой взгляд.

Чего он ждет?

Моего одобрения?

Возмущения?

Да я сама добилась того, чтобы он поехал со мной и посмотрел на свою дочь. Сама.

Да, дура полная. Возможно, реально лохушка, но девочку надо вытаскивать из говнища, в котором она оказалась по вине трех взрослых: Руслана, его любовницы и ее мужа.

Потому что так правильно.

Потому что я сама ждала и мечтала о том, что кто-нибудь придет и защитит меня от деспотичного отца и безвольной матери, которой тоже прилетало в лицо кулаками.

И к черту сейчас мою взрослую женскую обиду.

Я, конечно, ее выпущу, но она потерпит.

— Почему он с тобой? — Аня сердито заглядывает в мое лицо. — Почему он пришел с тобой?

— Он мой муж, — едва слышно отвечаю я.

Аня удивленно вскидывает бровь. Смотрит на Руслана, а потом опять на меня и недоуменно шепчет:

— Муж? Он? Муж?

— Да.

— Не повезло, — кривит моську.

Я вижу в отражении зеркала заднего вида, как Руслан поднимает брови и обескураженно медленно моргает.

Аня откидывается назад, хмурится, глядя в сторону Руслана, и вновь с сомнением косится на меня.

Но затем она резко меняется в настроении. Воинствующая злость в глазах уступает место тревоге. Бублика прижимает к себе крепче.

Вероятно, опять ушла в мысли о маме и папе. Я поправляю ворот ее футболочки, напоминая, что рядом есть взрослый человек, который сейчас обеспечит безопасность.

— Мы найдем твою маму, — Руслан ослабляет галстук и похрустывает шейными позвонками. — И я не думаю, что с ней что-то случилось. Она просто сбежала.

— Почему? — Аня смотрит на Руслана исподлобья.

— Этот вопрос ты задашь своей мамочке, когда я приволоку ее к тебе, — машина трогается с места, и под шинами тихо шуршит асфальт. — Вот же сука такая... — цедит он сквозь зубы.

Глава 12. Надо поговорить

— Мы сейчас на рыбалке, — сонно говорит в трубке Антон. Зевает. — Я пару карасей каких-то поймал.

Связь немного прерывается.

— Только в воду не лезь, — вздыхаю я у окна, наблюдая за Аней, которая с интересом разглядывает друзей Бублика, сидя полу.

— Какая, блин, вода? — Антон смеется. — Холодно же... Да и по шапке я получу... Кстати, я в шапке, если чо, ага.

— Молодец, — тихо подытоживаю я.

— Блин, мам, клюет, все! Пока!

Гудки, и я откладываю телефон на подоконник.

Мы в комнате Анфиски.

После поступления она изъявила желание съехать, и Руслан купил ей небольшую квартиру поближе к университету.

Я вот не хотела, чтобы она съезжала, пусть вслух об этом не говорила, но моя девочка решила побыть самостоятельной и взрослой.

Конечно, я и Руслан ненавязчиво ее контролируем, но она пока не влипает в опасные истории, держит квартиру в относительном порядке и учится жить одна.

Часто приезжает к нам. И даже остается ночевать, но ночевок становится все меньше, что меня печалит.

Моя дочь выросла и упорхнула из гнездышка. Так должно быть. Это правильно, и я поддерживаю, что дети однажды уходят во взрослую жизнь, но грустинка иногда накатывает.

Анфиска же когда-то так же, как и Аня, сидела на полу и играла с Бубликом и его друзьями.

— Кто звонил? — Аня смотрит на меня.

— Сынок.

— Как его зовут?

— Антон.

— А где он?

— Сейчас в походе. Рыбу ловит.

Шагаю к Ане и сажусь рядом:

— Не хочешь поспать?

Надо Аню усыпить. Детская психика очень хрупкая, и сейчас важно ей хоть немного перезагрузиться.

— Нет, — мотает головой.

Ясно. Бойтся заснуть, и силком ее не убаюкаешь.

— А сказку послушаешь? — беру Пузанчика. — Про смелого бегемотика, который пошел спасать, — подхватываю плюшевого жирафа, — забияку?

Кивает.

Опыт, как говорится, не пропьешь. Анфиска с Антошкой тоже всегда ловились на такую мою хитрость, когда отказывались спать.

Перебираюсь на кровать:

— Пойдем, устроимся поудобнее.

Аня заползает ко мне.

— Жил-был принц Пузанчик...

За свое материнство я научилась менять тональность голоса на усыпляющие нотки. Нет, это занудство.

Это особая вибрация в шепоте.

— Забияка попал в болото. Он убегал от разъяренных буйволов, которых он дразнил и показывал язык...

Аня уже не сидит. Она лежит. Маленьким сонливым калачиком.

— Принц толстунчик решительно и смело кинулся на помощь Забияке. Да, вредный жирафик его тоже дразнил, но бегемотик не был злопамятным.

Аня засыпает все крепче и крепче с каждым моим тихим словом. Замолкаю. Аня сквозь сон причмокивает, вздыхает на грани всхлипа, и аккуратно без лишних движений встаю.

Кладу рядом с Аней Пузанчика и Забияку, накрываю их половинкой пледа и бесшумно пачусь к двери.

Спиной наталкиваюсь на кого-то большого, и этот кто-то большой сжимает мои плечи и выдыхает в шею.

— Отпусти, — едва слышно отзываюсь я.

— Нам надо поговорить, Аглая.

Аня на кровати неосознанно обнимает Бублика и затихает.

— Что ты сейчас чувствуешь, Руслан? М?

Он резко, ловко и без лишнего шума выдергивает из комнаты в коридор. Затем мягко вжимает меня в стену и тянется к ручке двери, чтобы тихо ее закрыть.

— Я без понятия, что я сейчас чувствую, — Руслан одаривает меня тяжелым взглядом. — закапываться в чувства и эмоции у нас любишь ты.

— А ты нет? — вскидываю брови. — Хотя я согласна. Ты предпочитаешь...

— Ты хочешь поскандалить? — злым шепотом перебивает меня Руслан. — Если так, то, можем, сменим дислокацию? А то к нашему скандалу присоединиться маленькая кусачая девочка, и у тебя не выйдет мне все высказать.

Шагает прочь, останавливается и оглядывается:

— Ты идешь, нет? Или сядешь у двери и будешь сидеть?

Глава 13. А ты?

— Ну, давай, дорогая, обрисуй мне свои требования такими, какими ты их видишь, — Руслан развалился на стуле за кухонным столом барином. — А то подключился к твоей истерике и как-то потерялся.

— Для начала хватит давить на истеричность, которой сейчас во мне нет, — усмехаюсь. — Будь я истеричкой, то со слезами собирала чемодан, звонила нашим детям и говорила, какой у них папочка - подонок. Я бы такую карусель скандалов тебе закатила... Но я не кричу, не рыдаю, не бегу из дома гордая и обиженная. Знаешь, Рус, не самая лучшая стратегия пытаться меня унижить и повернуть все в сторону якобы моей неадекватности. Это не я изменяла.

Руслан едва заметно прищуривается.

— Моя самая главная истерика была около пяти лет назад, — мило улыбаюсь. — Когда потребовала, чтобы ты, наконец-то, обратил на меня внимание и заявила о разводе.

— Я помню, да.

— Ты так ловко все перевернул, — сажусь за стол напротив. — Что твои измены - следствие моей депрессии, но ведь отдаляться ты стал раньше, Рус. И, видимо, ты готовился к тому, что однажды все вскроется, и приготовился. Не ты виноват, а твоя жена.

— Сейчас ты начинаешь все переворачивать.

— Правда? Сколько раз я просила остаться со мной и хотя бы полежать лишний час рядом в тишине? Сколько раз я просила тебя не задерживаться? Я просила тебя о такой малости, Рус. Просто побыть рядом.

— Мы ведь все это уже обсудили... — он сглатывает и стискивает зубы

— Когда я уже орала, что умираю, — шепчу я. — Когда была готова отказаться от жизни с тобой... — вглядываюсь в его глаза. — Ты уже тогда знал, что она родила?

— Да, и я выбрал тебя, — взгляда не отводит. — Тебя, Аглая. И эти пять лет я был рядом.

— Во лжи, — хмыкаю я и повторяю его слова. — Выбрал меня? Но почему ты меня выбирал в те разы? Когда я искала в тебе любовь, нежность и поддержку? Почему?

— Как это относится к тому, что в спальне нашей дочери...

— Спит твоя внебрачная дочь? — вскидываю бровь. — Самое прямое. Ты выбрал другую женщину, а не жену, когда она хотела поддержать тебя хотя бы за руку.

— Чего ты хочешь от меня сейчас? — он упрямо игнорирует мои слова. — Я не в силах изменить прошлое и свои решения. Я не путешественник во времени.

— Чего хочу я? То есть я должна опять тебя направить, а ты примешь позицию “я слушаю жену, чтобы та не истерила”?

— Типа того, да, — кивает, продолжая вглядываться в мои глаза. — Ну, либо я принимаю позицию, в которой диктую правила я, но тебе не понравится, милая.

— И что эта позиция подразумевает? — смеюсь. — Вернуть Аню в опеку и умыть руки?

— Эта позиция подразумевает шантаж, Аглая, — Руслан постукивает пальцами. — Я не хочу тебя терять. Я принял решение остаться с тобой, и вижу, что ты невероятно равнодушна к девочке, — он ухмыляется. — И ты почти готова стать ей мамочкой...

— У нее есть своя мамочка. Я лишь передержка, — медленно выдыхаю я.

— Очень плохая мамочка, — Руслан разминает шею. — У меня есть два варианта, Аглая, для тебя. Ты гордо разводишься со мной, я возвращаю Аню мамочке и ухажу. Может, контроль усилию, но папулей не стану. Ты ведь не думаешь, что после того, как потеряю семью, вспыхну отцовскими чувствами, м?

— Вот как? — подпираю лицо кулаком.

— Крутой папа я для наших детей, — скалится в улыбке. — Повторюсь, для наших. В привязке к тебе, к прожитым годам вместе. Отсюда вытекает второй вариант, Аглая. Аня

может стать твоей дочерью. Я могу тебе это устроить. И рядом с тобой я готов терпеть истерики маленькой девочки, ее укусы, ее ненависть, и выискивать в себе симпатию к ней.

— Что ты несешь...

— В спальне дочери спит моя ошибка, — он поддается ко мне и шепчет, — а при серьезных ошибках я предпочитаю просто вырвать лист. А ты?

Глава 14. Вот блин

— На шантаж решил пойти? Серьезно? — усмехаюсь я. — Вот как? Это так с любимыми женщинами обходятся?

— Я сказал, что шантаж только возможен, — Руслан пожимает плечами, — но согласись, он отвечает и твоим запросам побыть хорошей тетей.

— Почему ты не рассматриваешь вариант, в котором ты сам берешь ответственность за ребенка, которого нагулял? — откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди.

— То есть твое встречное предложение, — он поддается в мою сторону и щурится. — Мы с тобой разводимся, потому что ты очень-очень обиделась. Потом я устанавливаю отцовство, всячески стараюсь быть хорошим папулей в связке с плохой мамочкой, так? Я эту суку контролирую, перевоспитаваю, потому что Аня маму любит и она должна быть с ней. Я ничего не упустил? Или мне пойти по пути отца-одиночки? Лишить родительских прав этих дебилов и самому воспитывать?

Я не отвечаю. Меня бы устроил вариант, в котором сижу на маникюре, после иду в свою мастерскую и ухожу с головой в работу над новым парфюмом.

— Из этих двух вариантов я выбрал бы второй, — Руслан продолжает вглядываться в мои глаза. — Это если выбирать из твоих решений... Хотя постой... есть еще третий, верно?

Он меня сейчас бесит.

Его снисходительный тон и изучающий взгляд будят во мне агрессию и желание отметить его сковородой.

Он мне изменял, а в глазах нет раскаяния или хотя бы сожаления. И он не собирается мне ничего объяснять, оправдываться или сознаваться, что и как произошло.

— Третий вариант, — Руслан скалится в улыбку. — Очень странный, но в твоем стиле, Аглая. Ты со мной разводишься, добиваешься лишения родительских прав родителей Ани и удочеряешь ее.

Я поджимаю губы.

— Но опять же, милая, — ласково улыбается, — у тебя может все получиться только с моим одобрением. ты все это провернешь, а тут рисуюсь я с установлением отцовства.

— Зачем?

— Это все из той же песни шантажа, — хмыкает. — А шантаж мой идет из-за нежелания тебя терять. Если я тогда с тобой не развелся, то, вероятно, сейчас этого не хочу.

— А зачем я тебе?

— Я тебе пять лет назад все сказал, — он щурится. — Да, мы прошли с тобой через кризис. И я тебе не изменял тебе с желанием уйти из семьи. Мне было тяжело тогда. И я не хочу даже вспоминать тот период нашей с тобой жизни.

— Наступает другой период, Рус. Если ты тогда бежал от меня, то и в случае моего согласия на твой шантаж, ты опять наводишь лыжи, — горько усмехаюсь я. — Давай будем честными, я не буду играть счастливую жену для тебя. После всего этого? Или чего ты ждешь?

— Твоего благоразумия, — Руслан продолжает буравить меня взглядом. — И принятия своих желаний, Аглая. Я их вот принял, а ты еще нет. Ты хочешь спасти Аню.

— А ты нет? — клоню голову набок в попытках найти в холодных глазах хоть искорку жалости к Ане.

— Мужчины иначе спасают детей, Аглая, — он вздыхает. — Да, я могу вырвать ее из той семьи, но взамен у меня не будет материнской любви и тепла. Дам няньку, дам новые игрушки, дам одежду, еду, крышу над головой, но зализать травму от потери плохой мамочки я буду не в силах. Да, никто бить не будет, унижать тоже, но этого мало, а большего одинокий разведенный мужик не даст. Где мне это большее взять, если я все эти годы особо не переживал? Да, сейчас

я зол, что ребенка били, и в любом случае не оставлю все, как было, раз моя тайна вскрылась, но я еще раздумываю, что мне предпринять. Очень многое сейчас зависит от тебя.

А затем он замирает. Скрежет ключей в замке, а затем голос Анфиски:

— Мам! Ты дома? Па, а ты? Или вас нет, и я могу спокойно съесть весь холодильник и сбежать к себе обратно? А то, что не съем утащу с собой!

— Вот блин, — шепчу я и сглатываю. — Вот блин.

Глава 15. Ты обещал

Я выхожу к Анфисе, которая смотрит на ботиночки Ани, затем на ее пальтишко, а потом переводит на меня взгляд.

— Привет, — говорю я. — Твоя спальня занята на время.

Она скидывает туфли. Молча. Шагает прочь из прихожей в сторону своей комнаты. Я за ней.

У меня в душе что-то нехорошее шевелится.

Анфиска заглядывает в комнату. Проходит целая минута, и только потом она вновь смотрит на меня.

И все в душе обрывается.

Она знает, что за девочка спит в ее кровати.

Иногда достаточно одного взгляда, чтобы понять, что происходит.

— Ты знала...

— Где папа? — шепчет она и бледнеет.

— На кухне.

Она закрывает дверь и решительно шагает мимо меня.

— Анфиса, — тихо окликаю я ее.

Она оглядывается, и по ее лицу пробегает тень. Моя дочь была в курсе того, что Руслан мне изменял и что у него на стороне родился ребенок.

И у меня неожиданно складывается некрасивая картинка из разрозненных пазлов.

Дорогие подарки дочери, брендовые шмотки, поездки за границу... Я думала, что он так пытается реабилитироваться после нашего разговора о разводе, а на деле он откупался, чтобы Анфиса сохранила его тайну.

— Вот это да, — шепчу я.

— Мам...

— Вы меня оба за нос водили, — охаю я. — А Антошка?

Анфиса качает головой, поджав губы, и покидает меня, торопливо расстегивая куртку.

Нет, ну такого я вообще не ожидала.

И я чувствую себя сейчас реально дурой, которую облили вонючей грязью.

Иду за Анфисой на кухню.

— Это она, да? — спрашивает моя дочь у Руслана, который открывает бутылку с яблочным соком. — Что она тут делает?

— Хороший вопрос, — Руслан наливает сок в стакан. отставляет бутылку и разворачивается к нам. Смотрит на меня. — Ну вот. Видишь, одной проблемы меньше, да?

— Ты же... — язык меня не слушается от шока, — ты же говорил, что наши дети ничего не знают... Рус...

— Ну, — он подхватывает стакан с соком, — до конца не хотел подставлять Анфиску. Ложь она такая, — делает глоток и смотрит на нашу дочь, — затягивает в себя и тех, кто хочет сыграть на ней.

— Ты обещал, что ее не будет в нашем доме, — Анфиса судорожно выдыхает. — Обещал...

— Но она тут, — Руслан пожимает плечами. — Тебе разогреть обед?

Анфиска хочет выйти, но я хватаю ее за плечо, разворачиваю к себе лицом и всматриваюсь в ее глаза:

— Почему ты ничего мне не сказала, если знала?

— Потому что папа должен был остаться с нами, — шипит она в ответ. — С нами, а не с этой шмарой и ее вырождением.

— Я тебя не так воспитывала, — голос мой тихий и ровный. — Анфис, тебе шмотки и безделушки были важнее меня? Так, что ли, выходит?

— Ей тут не место, — медленно выдыхает она и дергает плечом, сбрасывая мою руку. — Это моя комната, мои игрушки, моя кровать, мои вещи.

— Ты из игрушек-то и вещей давно выросла, — горько усмехаюсь. — Или пойдешь драться с пятилеткой и все отбирать? Давай, доча, это ведь так по-взрослому.

Она пятится к столу, падает на стул и прячет лицо в ладони, тихо всхлипнув:

— Я не хотела, чтобы вы развелись... Не хотела...

Приваливаюсь спиной к стене, скрешиваю руки на груди и перевожу взгляд на Руслана:

— Как тебе удастся пробивать дно за дном, мой милый? Ты еще и нашу дочь во все это втянул, — запрокидываю голову и прижимаю затылок к стене, прикрыв глаза. — Господи... — смеюсь. — У меня нет слов.

— Он обещал... — сдавленно отзывается Анфиса. — Обещал, что такого не произойдет...

— А еще твой папа мне обещал быть со мной и в горе, и в радости, — устало вздыхаю я. — Обещал быть верным. Да и ты сама много чего обещала мамуле, да? Например, быть честной. И нет, Анфис, это не твой папа притащил девочку ко мне. Он бы сдержал свое обещание, но его переиграли.

— Мам...

— Я хочу верить, Анфиса, что ты сама не окажешься в такой ситуации, — отталкиваюсь от стены и выхожу из кухни. — И думаю, что твой папа сам бы не хотел себе такого зятя, как он сам. Тут же никаких культурных слов не хватит.

Глава 16. Кусай

— Мам... — в гостиную заглядывает Анфиска.

Я откладываю телефон.

— Что ты делаешь?

— Планировала звонить и отменять годовщину свадьбы, — убираю волосы за ухо.

— Мам... — проходит к дивану и садится рядом.

Глаза красные, щеки бледные.

— Что? — спрашиваю я. — Или ты считаешь, что годовщину надо провести?

— Мам...

Всхлипывает, вытирает слезы и сипит:

— Прости меня... Я не хотела, чтобы все так вышло...

— А как ты хотела?

Я не чувствую обиды или злости на Анфису. Она не перестала быть моей дочерью, которой я вытирала нос, баюкала, радовалась первым шагам.

Я пребываю в усталости и недоумении, как я могла все проморгать?

— Мам, я просто очень испугалась тогда...

— Испугалась и решила, что это отличный вариант из папы подарки потянуть? — я задаю вопрос без ехидства или гнева.

— Мам, мне было пятнадцать лет.

— Да, я помню твои пятнадцать лет, — киваю. — Было весело, да.

— Мам, я не знаю, как так вышло... Я была очень зла на папу... И страшно... Я не знаю, — накрывает лицо ладонями. — Я хотела все рассказать, но... у нас уже все было хорошо, мам.

— Как ты узнала?

— Случайно, — судорожно шепчет в ладони. — Я хотела угнать его машину, — заикается почти на каждом слове. — Папину машину...

— Что? — охаю я. — Угнать машину?

— Я ключи стащила, села и полезла в бардачок, а там... бумажки какие-то... я хотела их закинуть обратно, но вчиталась, а этот тест на отцовство... Мам, я несколько дней молчала, следила за ним, а затем словила на телефонном разговоре, в котором он говорил, что будет обеспечивать деньгами... — плечи дрожат и голос становится тише, — мам, тут меня понесло... Да, мам, — смотрит на меня, — я пошла на шантаж. И сказала, что все эти бумажки сфотографировала и что у меня есть доказательства. Но я ничего не фотографировала. Это само вылетело... мам... Я хотела все это остановить, но у меня не получалось, а потом я поверила, что все позади...

Притягиваю ее к себе, обнимаю и прижимаюсь виском к ее макушке. Она пахнет моим парфюмом, который я придумала лично для нее. Немного вереска, скошенной травы и чуточку сладкого меда.

— Прости, мама...

Сложная девочка. И всегда такой была. Громкой, требовательной и ревливой.

— Анфис, я тебя люблю, — шепчу в ее висок. — Люблю.

А что я могу сделать? Люблю. Я ее родила. Маленькую, сморщенную и крикливую. Я кормила ее грудью. Я тискала ее, щекотала, поднимала из луж при истериках, мы с ней гоняли голубей, рисовали... И нет ничего хуже, чем жить во лжи и знать грязную тайну человека, которого ты любишь.

— Мама, — воет она и льет горячие слезы. — Прости...

Я принимаю ее всхлипы, ручейки слез, которые высвобождают годы напряжения и страха за семью.

В гостиную бесшумной мышкой проходит сонная Аня с Бубликом в руках, хмурится, подкрадывается к Анфисе и кладет ей на колени игрушку. Отступает, когда Анфиска вздрагивает и отшатывается от меня. Трет глаза и хрипло спрашивает:

— Почему ты плачешь?

Анфиска замирает с горящими глазами, и я жду криков, которые потребуют, чтобы “выродок” проваливал ко всем чертям.

— Меня зовут Аня, — Аня прячет руки за спину. — У меня потерялась мама. Вот жду, когда найдут.

Анфиску трясет, и я без понятия, что мне предпринять сейчас.

— Это моя дочка, — слабо улыбаюсь я. — Анфиса.

— Да? — Аня в удивлении округляет глаза. — Большая такая, — смотрит на Анфису. — Привет.

Анфиска напряжена и будто готова кинуться сейчас в драку.

— Тебя плохой дядя Руслан обидел? — Аня шмыгает. — Да? — зевает, хмурится и опять смотрит на молчаливую Анфису. Задумчиво чешет щеку, взгляд на меня, тяжелый мыслительный процесс, и она шепчет. — Он твой папа? Поэтому ты плачешь?

Анфиска молчит и не моргает.

Аня подходит, подхватывает Бублика и сует в безвольные руки Анфиски, а затем шепчет на ухо, приподнявшись на цыпочки:

— Бублик умеет драться с плохими дядями, — делает паузу и продолжает, — только он кусаться не умеет, — отстраняется, всматривается в шокированные глаза Анфисы. — Но ты же умеешь? Могу научить.

Глава 17. Кто?

— Господи... — сипит Анфиска, и все еще не моргает.

И Аню не отталкивает. Не бьет. Не кричит.

— Смотри, — Аня поднимает руку и обнажает зубки. — Вот так кусаемся.

Вгрызается в свое предплечье, а затем показывает следы от зубов:

— Вот.

Анфиска икает от шока.

— Теперь ты, кусай, — Аня протягивает руку к ее лицу. — Кусай.

— Я не хочу тебя кусать, — Анфиса сжимает в руках Бублика

— Но надо учиться, — Аня шурится. — И кусаться надо быстро, понимаешь? В разные места.

— А тебя кто учил кусаться? — Анфиса, наконец, моргает.

— Никто, — пожимает плечами. — Сама научилась, — тянется ручкой к щеке Анфисы и вытирает слезы. — Ну, ладно, я могу за тебя кусаться.

Анфису начинает опять трясти. Губы дрожат:

— Тебя не должно быть тут.

— Я знаю, — Аня вздыхает. — Я хочу маму искать, но меня не пускают. Отвезли куда-то... Я там описалась... А потом меня забрали и привезли сюда... — тяжело вздыхает и забирается на диван. Поднимает взгляд. — Ты красивая.

— Не подлизывайся, — шепчет Анфиса.

— Я подлизываюсь по-другому. Хочешь покажу?

Анфиса молчит, и Аня складывает бровки домиком, широко распахивает глаза и трет щекой о плечо Анфисы, как маленький котенок:

— Вот так, — Аня отстраняется и убирает с лица волосы. — Я так себя с тетей Валею веду, а она мне дает что-нибудь вкусненькое.

— Кто такая тетя Валя? — едва слышно спрашивает Анфиса.

— Соседка, — Аня болтает ножками. — Толстая такая. У нее еще котики есть. Белый, — загибает пальчики, — черный, полосатый... и, — восхищенно смотрит на Анфису, — рыжий. Рыжий-рыжий. И злой, но... — понижает голос до шепота. — Это других царапает, а я могу его гладить. Только это секрет. Ты любишь котиков?

Анфиса неуверенно кивает.

— Каких? Я люблю всех, но рыжих особенно.

Анфиса переводит на меня настороженный взгляд, а затем медленно встает. И опять слезы катятся по щекам.

— Я пойду... — пятится к двери.

— Ань, посиди здесь, — я тоже поднимаюсь на ноги.

Анфиса кидается прочь, я за ней. Мне удастся ее поймать в прихожей:

— Куда ты собралась?

— Я не хочу быть здесь... — шепчет она и ее трясет. — не хочу... Я поеду к себе...

— В таком состоянии, да?

— Мам, пусти.

— Да щас, разбежалась, — шурюсь на нее с угрозой. — Выбирай, кто тебя сейчас ответит в твой квартиру. Я понимаю. Не хочется быть тут, когда такое вскрылось, — киваю, — понимаю, — всматриваюсь в ее красные глаза. — Очень хорошо понимаю, Анфиса, но одну я тебя никуда не отпущу.

— Что у вас тут? — выходит во всей красе Руслан.

— Либо я, либо папа, — крепко держу Анфису за плечи. — Кто-то отвезет тебя, останется рядом, накормит, напоит, уложит под одеялко и посидит рядом.

— Нет...

— Да, Анфиса, — медленно выдыхаю. — Ситуация сложная. Хочешь бежать, беги, но под присмотром.

Отпущу сейчас ее, и влипнет она в неприятности. Я ее хорошо знаю. Отпускать одну нельзя. Ни в коем случае, но и требовать того, чтобы она осталась тут — тоже неправильно.

Ей страшно, непонятно и больно.

Вскрылся многолетний нарыв, и сейчас я должна как-то минимизировать последствия для дочери.

Это так несправедливо, что я сейчас должна держать себя в руках, чтобы не упустить контроль.

Я хочу кричать, плакать, бить посуду, но мне приходится быть взрослой и разумной теткой, которая откладывает свои эмоции в дальний ящик.

— Я не хочу, чтобы все было так... — Анфиса всхлипывает и опять дрожит. — Не хотела... Мам...

— Я тоже не хочу, — сглатываю. — Я тоже не в восторге. Я бы тоже побежала, Анфиса. Сверкая пятками. Куда глаза глядят. Лишь бы подальше, — поскрипываю зубами. — Но это не поможет и ничего не исправит.

Дергается, пытаюсь вырваться, но я ее встряхиваю:

— Смотри на меня, — и повторяю вопрос. — Кто отвезет тебя? Кто сейчас должен быть рядом с тобой? Кто тебе сейчас нужен?

И нет сейчас правильного или неправильного ответа, увы. И нет того варианта, в котором я и Руслан сейчас поехали бы утешать ее. Даже если бы в гостиной не сидела маленькая и тихая девочка, то Анфиса не получила бы маму и папу полным комплектом после всей правды.

Трещина между нами разверзлась пропастью.

Глава 18. Выплывет или утонет

— От тебя сбежали, — Аня выглядывает из гостиной.

Я изъявил желание поехать с Анфисой, но она оттолкнула меня и сказала, что пусть ее отвезет Аглая.

И вот сижу я на банкетке, и на меня сердито смотрит маленькая девочка, которой я прихожусь отцом.

Перед тем как вывести Анфису, Аглая сказала Ане, что за ней присмотрит дядя Руслан, а та тяжело вздохнула и кивнула с детской обреченностью.

— Надо поговорить, — сжимаю переносицу, а Аня молча скрывается в гостиной.

Мне приходится встать и пойти за ней. Забралась с Бубликом в кресло и мнет его уши.

Не хочу самому себе признаваться, но я знал, что все однажды вскроется. Рано или поздно.

Вот оно вскрылось, и понимаю, что это конец для наших с Аглаей отношений. И не в измене дело, и даже не в Ане.

А в том году, который предшествовал разговору о разводе.

После всей этой правды она не простит и не примет того, что ее муж отказывался быть рядом, когда был нужен.

Я был нужен, и понял это лишь тогда, когда она крикнула мне, что хочет развод и увидел в глазах пустоту, а в кармане пиджака лежал тест на отцовство.

И она права, уходил я не только от нее, но и от наших детей. Они оставались с ней. С двойками, криками, капризами, а я находил сотни оправданий, чтобы не ехать в очередной раз к директору школы после драки Анфисы с одноклассницей или расписанных Антоном стен.

Она этого после всей правды не простит.

Не простит того, что я отворачивался, когда она хотела ласки и близости. Не простит моего молчания.

Мы должны были тогда развестись. Это было бы честно по отношению к Аглае, но я решил, что смогу все исправить.

— Я не буду с тобой говорить, — бубнит Аня.

— Что?

— Ты сказал, что надо поговорить, — кривит рожицу, — а я не буду.

— Точно, — сажусь на диван.

Нет ничего удивительного в том, что Аня потянулась к моей жене. Аглаю дети любят, а она их. В ней много этого теплого бескорыстного тепла, который магнитом тянет к ней малышей и даже подростков. И вместе с ее теплом в ней есть осознание того, что ребенок — это человек.

— Ань...

Надувает щеки и отворачивается.

— Я хочу поговорить о твоих маме и папе.

Ноздри раздувает. Если она сейчас разревется, то что мне делать? Я вряд ли ее успокою, потому что во мне нет желания с ней сейчас возиться.

— Тебя дома обижают?

Соскакивает с кресла, топает мимо, прижав Бублика к груди и выходит.

— Да чтоб тебя...

Я иду за ней.

Малявка фыркает, заходит в комнату Анфисы и с хлопком закрывает перед моим носом дверь.

— Аня, — я хочу открыть дверь, но понимаю, что она подперла ее собой.

Молчит.

— Это смешно, — в растерянности говорю я.

Не отвечает.

— Отойди от двери, — сжимаю ручку.

Аккуратно толкаю дверь, которая все же открывается. Аня уже на кровати, и только я делаю шаг, она швыряет в меня плюшевым бегемотом. Молча. Злая, насупленная и красная.

Ловлю игрушку и крепко ее стискиваю.

Аглая не поймет, почему я решил устраниваться от родного ребенка и почему не интересовался жизнью девочки, которая родилась из-за моей ошибки.

Смотрю на Аню и осознаю, что моя жена больше не увидит во мне человека.

Человек ошибается, падает, встает и не бежит, а я побежал.

Если бы я тогда сказал правду, если бы тогда решил раскрыть карты, то, может быть, после развода у нас был шанс остаться близкими людьми, которые были бы благодарны за прожитые вместе годы, а сейчас все будет стерто.

Для моей жены во мне нет больше ничего кроме лжи, эгоизма и холодного равнодушия.

С таким, как я, не встретишь старость, болезни и немощность.

Если бы я сейчас раздвоился, то со вторым Русланом не пожелал бы не иметь ничего общего, ведь если я буду тонуть, он и руки не протянет. Развернется и уйдет, потому что первый Руслан слишком навязчиво тонет, слишком громко просит о помощи, слишком умирает.

Он дождется, когда первый либо выплывет, либо утонет, и только тогда вернется на берег.

— Да, Аня, я плохой дядя, — кидаю бегемотика ей на кровать. — Буду похуже твоего папочки.

Глава 19. Ты скажешь мне правду?

— Поешь, — ставлю перед заплаканной Анфиской тарелку с омлетом и кружку чая.
— Не хочу.
— Я тебя могу с ложечки покормить.
Поднимает на меня взгляд и шепчет:
— Ты злишься?
— Нет, — подхватываю вторую тарелку с омлетом и сажусь за стол. — Анфис, я в недоумении.
— Мам, я тебя люблю... — она опять всхлипывает. — Мам... Я должна была сказать...
— Честно, — вздыхаю я и беру вилку, — все это уже не имеет значения. Ешь. И опять у тебя холодильник пустой. Только яйца. Сейчас пообедаем и пойдем закупимся продуктами.
— Почему...
— Что?
— Почему ты не кричишь?
— А должна? — приподнимаю бровь. — Тебе станет легче, если я сейчас начну на тебя кричать? Или ты ждешь мои крики, как наказание? — всматриваюсь в ее глаза. — Я не хочу на тебя кричать.
— Ты считаешь меня предательницей?
— Нет, — качаю головой. — Ты учишься жить, Анфиса.
— Ты больше не будешь мне верить, да? Доверять... — судорожно выдыхает и прижимает ладони к глазам, — ждать...
— И вообще возьму и откажусь от тебя? Так, что ли? — вскидываю я бровь.
— Дааа...
— Не дождешься, — отправляю в рот кусочек омлета. — Так просто от мамочки не избавиться.
Всхлипывает, а затем следует короткий смешок, и Анфиса вытирает слезы салфеткой. Но через секунду она опять мрачнеет.
— Я боялась вашего развода, мам. Я не хотела, чтобы ... — отворачивается, поджимает губы на несколько секунд и шепчет, — не хотела, — усмехается, — и пошла на шантаж.
— Зато сколько все тебе накупили, — пожимаю плечами без ехидства или злости.
— К черту все это, — смотрит на меня, и у нее опять губы дрожат, — лучше бы всего этого не было...
— Но все это случилось, Анфиса. И все это не отменяет того, что ты сейчас поешь, — вздыхаю.
— Эта девочка... странная, — Анфиса опускает взгляд.
— Ее бросили. Буквально бросили, было насилие, моральное и физическое, — тихо говорю я.
— И папа...
— Папа скинул все на кого-то мужика...
Анфиса кривится, и у нее дергается верхняя губа.
Сжимает вилку.
— Все это... — она трясется и отбрасывает вилку. — Бесит! — вскакивает на ноги и смотрит на меня. А затем шипит. — Он и меня кидал! — взвизгивает. — Кидал!
— Ему со мной было плохо, — откидываюсь назад.
— Он опаздывал на мои выступления в школе! Пропускал выставки! Забывал!
Мне нечего ответить. Тот год перед разговором о разводе на выставках Анфисы возле ее рисунков тусили обычно я и Антон. С ним же мы всегда были на театральных постанов-

ках. Антон обычно спал, вытянув ноги, но не отказывался от сонной поддержки для старшей сестры.

А папа наш часто задерживался. Правда, потом подарками откупался, а на мои аккуратные замечания, что так нельзя, кидался обвинениями, что он бизнес тянет ради семьи, ради нашего благополучия.

Ну, неудивительно, что Анфиса подцепила его на крючок шантажа. Он все к этому сам подвел.

Сейчас я прихожу еще к одному неутешительному выводу. Наши дети не сбежать от меня хотели, а жаждали, чтобы папа был рядом, чтобы он проводил с ними больше времени, а он взял и все перевернул, что моим детям было со мной плохо.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — взгляда от Анфисы не отвожу. — И хочу правды, Анфис. Какой бы она ни была.

Анфиса садится и сглатывает.

— Ты скажешь мне правду?

— Да.

— Тебе было плохо со мной? — голос у меня спокойный. — В тот год перед тем, как ты нашла тест на отцовство.

Она хмурится, шмыгает.

— Мам, меня тогда все бесили, — шепчет Анфиска. — Честно, все. Я в прыщах, с брекетами... Мам, я тебя тогда обижала, да?

— Нет, — качаю головой. — Мне было тогда тяжело. Ну... — вздыхаю. — Иногда ты была очень резкой и грубой. Это правда.

— Мам, прости... — опять пускает слезы. — Я тогда просто с катушек слетела... Мам, мне сейчас самой стремно, что я такой была. Мам... и я помню, как ты приносила мне вкусняшки после всякого... — прячет лицо в ладонях. — А я прогоняла тебя... Мааам...

Она встает с воем, обходит стол и садится на пол, уткнувшись в мои колени.

— Мааам... Я с тобой за завтраками не разговаривала, а ты мне блузки гладила...

А потом плакала одна в квартире. Давала себе пятнадцать минут, а после шла к себе в мастерскую и уходила в запахи. Самый продаваемый аромат я создала тогда. Легкий, романтический и теплый.

“Мечта о рассвете”.

— Мам...

— Я люблю тебя, Анфиса. Люблю.

Глава 20. А чего ты ожидал?

Аня кидает мне на диван бегемотика, щурится и шипит:

— Ты грустный.

Смотрю на бегемотика, потом на Аню, которая опять шагает прочь.

— Стой.

Останавливается и оглядывается:

— Чего?

— Мультики будешь смотреть?

Опять кривится, высказывая мне свое детское снисхождение.

Она меня ненавидит.

Она не знает, кто я на самом деле, но полна ко мне презрения, будто понимает, что я отказался от нее.

— Какие мультики.

— Да я без понятия, — подхватываю пульт и включаю телевизор, — какие показывают. Листаю каналы до каких-то синих котят, которые тащат на тележке желтого цыпленка.

— Хм, — отзывается Аня.

Перевожу на нее недоуменный взгляд.

— И что же тут случилось? — задумчиво спрашивает она.

Затем смотрит на меня, на диван и шагает к дальнему креслу. Размещает со всеми удобствами Бублика в угол, и оглядывается:

— Пузанчику ничего не видно.

И обращается ко мне таким тоном, будто я тупой. Стиснув зубы усаживаю пузанчика, и чувствую себя идиотом.

Цыпленок спрыгивает с тележки и убегает от котят.

— Глупый, — Аня забирается в кресло и хмурится на меня, — или они плохие.

— Я не знаю.

— А что ты знаешь?

Медленно недоуменно моргаю, потому что улавливаю в голосе Ани взрослые презрительные нотки, которые она просто скопировала.

— Ты хоть что-нибудь знаешь?

Оп-па.

Это так с ней мамуля говорила? И эта пренебрежительно вскинутая бровь тоже от мамочки?

— Что ты молчишь?

И у меня взрослого мужика бежит озноб от ее едкого вопроса. От ее гримасы, в которой я узнаю ее мать.

— Смотри мультик.

— Выйди.

Я будто попал в какой-то ужастик, в котором мерзкий взрослый занял тело ребенка.

— Это с тобой мама так говорит?

Аня отворачивается к телевизору и скрещивает руки на груди, пробубнив:

— Ты мне не нравишься. Лучше бы тетя Агая осталась.

— Аглая.

Меня одаривают таким взглядом, которого не у каждого взрослого встретишь. Брезгливый, надменный и выученный.

Сейчас в Ане нет самой Ани. Есть тень той, у которой она научилась надменным интонациям и недовольному лицу.

— Ты мне противен.

Все. Я в полном ступоре. Меня уделала пятилетка, которая хмыкает, устраивается в кресле поудобнее и смотрит синих котят и желтого цыпленка. Смеется, когда они кубарем катятся с горы, убирает волосы за ухо.

А чего я ожидал, собственно?

Вот он результат моей трусости.

Я не спасал семью. Не спасал, жену, Анфису или сына. Я спасал свою шкуру, которую изгваздал в говне.

Выхватываю телефон из кармана брюк, прикладываю к уху и вслушиваясь в гудки.

— Мы в процессе, — раздается напряженный голос Саши. — Я ее найду.

— Поторопись, — медленно выдыхаю.

— Заткнись! — рывкает Аня. И опять с недетскими интонациям. — Отвлекаешь!

— И, Саш, тебе придется передо мной серьезно объясниться, — смотрю перед собой, игнорируя маленькую жуткую девочку, которая в гневе щурится на меня. — И ускорься.

— Ускорься, — Аня передразнивает меня и щурится еще сильнее.

— Прекрати так делать, — откладываю телефон.

— А то ремня всыпешь?

— Так тебя все-таки обижали мама и папа, — хмурюсь. — Ремнем?

Попалась. Распахивает глаза, бледнеет и отворачивается:

— Нет.

Как легко откупиться от совести деньгами. Как легко придумать множество оправданий, но они также легко теряют вес, когда ты сталкиваешься с реальностью, в которой ребенок оказался никому не нужным.

И если мне сейчас тяжело сделать вдох, то каково было Аглае?

И откуда в ней были и есть силы не отворачиваться?

Глава 21. Покричи

Выкладываю из корзины продукты и замираю, когда среди ветчины, сыра и йогуртов вижу плюшевого рыжего котенка с бирочкой на ухе.

Оглядываюсь на Анфису, которая поджигает губы и отворачивается. Тяжело вздыхает и шепчет:

— Это для Ани... увидела и взяла...

— Понятно, — кладу на ленту котенка.

Через пять минут выходим из супермаркета с шуршащими пакетами в руках.

— Мам.

— Да? — неторопливо шагаю к машине.

— Еще же Антошка...

— У Антошки сейчас своя веселуха с палатками и рыбой, — вздыхаю я и открываю багажник. — Когда вернется, тогда и узнает обо всем.

— Хотя... — Анфиска кладет пакеты в багажник, — я за Антошку не переживаю.

— Почему?

— Он другой, — смотрит на меня. — И он бы, если бы... — сглатывает, — если бы он сейчас нашел тест ДНК, то все бы сказал тебе, — хмыкает, — если бы не поленился прочитать и все понял. Мог бы и не понять, что нашел.

Мне приходится согласиться с тем, что Антон мог бы и не понять, что нашел в бардачке. Он мальчик умный, но у него есть проблемы с восприятием текста.

— Вот если бы он вслух прочел, то тогда бы все понял, — захопываю багажник.

— И как теперь жить? — сипит Анфиска.

— Учиться, — подхожу к ней и поправляю ворот куртки, всматриваясь в глаза, — встречаться с друзьями, рисовать новые наряды, не забывать об отдыхе, полноценном питании. Анфиска, тебе офигительно повезло сейчас. Ты взрослая, ты живешь отдельно, учишься. Ты отпочковалась от родителей и идешь по своей дороге.

— Но...

— Да ты волнуешься, тебе страшно за каждого из нас, но всю эту кучу дерьма должны разгрести мы, я и твой папа, — мягко улыбаюсь. — Знаешь, я так хочу сейчас тоже быть студенткой... — делаю паузу и говорю. — Однако у меня будет к тебе просьба.

— Какая?

— Антошку может тряхнуть, Анфиса, — поправляю на ее голове берет. — Он может рвануть к тебе...

— То есть ты ему не скажешь о том, что я покрывала...

— Зачем? — немного прищуриваюсь.

— Не скажешь? — в уголках глаз вспыхивают слезы.

— Нет, и не вижу в этом необходимости, — вздыхаю. — Если он рванет к тебе, Анфис, ты будешь готова принять его? Он будет искать поддержку.

— Да, мам...

— Может, он проявит чудеса благоразумности, — я фыркаю, — но я сомневаюсь.

— Он ко мне, кстати, после школы часто заваливается, — Анфиска вытирает слезы.

— Я в курсе.

— После него такой бардак, — Анфиска цыкает.

— Я в курсе, — тихо повторяю я.

Анфиска приваливает к багажнику и смотрит перед собой.

— Мам, мне с каждым годом было все сложнее... В начале все было просто, а потом... Потом сложно и уже не сделаешь шаг назад. Я думаю, что папа чувствовал то же самое.

Я молчу. Мне наплевать, что чувствовал Руслан. Мне важно, что он предпримет теперь.

— Это так странно, — она опускает взгляд на кроссовки. — Мы одновременно очень и очень сблизилась и отделились. Это так нелогично, так непонятно... — смотрит на меня. — Я его люблю, мам, и ненавижу.

— Я не знаю, что тебе ответить.

— И ты не плачешь...

— Я привыкла плакать одна, — перевожу на нее взгляд. — И это неправильно, Анфиса, но вот так. Поехали?

Анфиса находит мою руку и сжимает:

— Я была плохой дочерью.

— Я не соглашусь, — слабо улыбаюсь. — Дети могут делать больно, обижать, лгать и даже искать выгоду, как и любой другой человек, однако всегда приходит время, когда все приходится осознать и сделать вывод. И многое зависит именно от тех выводов, которые можешь ты сделать. Это и есть взрослая жизнь, Анфиска. И, кстати, выводы никогда приходят сразу.

— Я опять хочу... мам... кричать, что против...

— Покричи, — пожимаю плечами.

— А ты когда кричать будешь?

— Однажды покричу, — вздыхаю я.

— Одна? — едва слышно спрашивает Анфиса. — Покричи сейчас, мам. Вот сейчас. Ты меня из дома не пустила, а я тебя в машину не пущу, пока не покричишь. И да, я опять иду на шантаж, — усмехается. — В этом я мастер.

Глава 22. Она меня ненавидит

Паркуюсь, отстегиваю ремень безопасности, сжимаю руль и прижимаю лоб к ребристой баранке.

Ну, покричала я на парковке возле супермаркета, распугала людей и получила угрозы от бабулек, что для нас с Анфиской вызовут полицию вместе с психушкой.

О, я бы не отказалась от психушки.

А что?

Сидишь в четырех стенах и тебе ничего не надо решать со своей жизнью кроме, как пить таблетки и тихо себе лежать на койке, пуская слюни.

Кстати, не зря говорят, что безумцам улыбается судьба, потому что она сама та еще чокнутая стерва, которая преподносит женщинам измены и внебрачных детей.

А еще жизнь, похоже, ждет от людей жестокости, ведь она упрощает жизнь в разы.

Будь я человеком, в груди которого много злости, то Аня бы осталась в детском приемнике с мокрыми колготками, Анфиса бы вылетела из квартиры под мои крики “предательница!”, а Антошка на рыбалке получил бы звонок от мамы, которая бы в красках рассказала, какой у него отец мерзавец.

А после я бы собрала вещи в один чемодан и свалила в закат. И пусть папа сам разруливает ситуацию с детками.

Но он бы не разрулил.

Он бы закрутил все куда круче и уродливее, потому что в решении сложившейся проблемы он посмотрит прежде всего на себя любимого, а не на других.

Сижу в тишине, прижав лоб к баранке, а затем резко откидываюсь назад. Голова немного кружится, в горле першит от криков и руки трясутся.

Мне еще предстоит осознать, что мой муж мне изменял.

Сейчас измену Руслана я воспринимаю как совершившийся факт. Я спряталась от ревности, обиды и гнева под толстым и крепким панцирем. По нему обязательно пойдут трещинки, а затем его разнесет на куски ненависти к мужу.

Я Руслана возненавижу.

За его равнодушие ко мне, когда он был мне нужен.

Конечно, он все вывернет, что все осознал еще пять лет назад и что после того разговора он был рядом, что любил, заботился, что не хотел ранить и что я сама виновата, чертова истеричка.

А он отец-молодец и муж-стена. Только эта стена почему-то отъехала в сторону к другой женщине. Потом, конечно, вернулась на место и убедила себя, что это я ее подвинула.

И, вообще, будь благодарна, что стена вернулась на место, и не думай сейчас выглядывать из-за нее. Стена выбрала тебя, и сиди дальше в вонючей луже лжи.

Подхватываю сумку с соседнего сидения и выхожу из машины под холодный порыв ветра.

Анфиска попросила оставить ее одну. Я приготовила ей ужин из цыпленка тапака, пюре из красной чечевицы и легкого овощного супчика и взяла обещание, что если ей захочется доказать что-то этому несправедливому миру, она позвонит мне и не будет искать приключений.

У подъезда я получаю от нее сообщение, что она поела и села за эскизы новых нарядов.

Надеюсь, мне удалось ее убедить, что ее жизнь не рушится и что я буду рядом, если она позовет меня.

Прилетает новое сообщение.

Анфиска: “Мам... Папа тогда сильно испугался”

И я ей торопливо печатаю замерзшими пальцами: “Пусть папа сам за себя отвечает”

Я понимаю желание Анфисы выгородить отца, объяснит его мотивацию, но это не ее забота.

И пугаться надо было в тот момент, когда он полез на другую бабу. Тогда этот испуг был бы конструктивен. Но тогда испуга не было. Страх за жену и детей не было. Сомнений не было.

Очухиваюсь уже у двери квартиры, из которой слышны крики Ани:

— Это не тот мультик! Не те котята! И цыпленок другой!

— Да тот же! Та же серия! — на повышенных тонах отвечает Руслан. — Прекрати орать! Когда я вставляю ключ в замочную скважину и проворачиваю его, крики затихают.

Я захожу, и ко мне с ревом летит Аня:

— Не тот мультик!

А затем прячется за мной, затихает и шмыгает:

— Не те котята!

К нам выходит размашистым шагом Руслан, сует мне в руки планшет и рычит:

— Это тот же мультик! О тупых котятах! Та же серия!

Я включаю планшет, разворачиваюсь к Ане и показываю ей экран с двумя синими котятами. Вытирает слезы, забирает у меня планшет и шагает мимо обескураженного до красных пятен на лице Руслана:

— Да, я просила этот мультик. Спасибо, тетя Агая.

— Аглая, — шипит Руслан ей вслед.

Аня оглядывается, щурится на него и обнажает зубки в неприязненном оскале.

— Она издевается, — Руслан смотрит на меня. — Она меня ненавидит.

Я снимаю туфли, скидываю пальто, которое вешаю на крючок. Руслан замолкает, не дождавшись от меня поддержки, и нервно приглаживает волосы:

— Анфиса в порядке?

— В относительном, — отвечаю я и небрежно смахиваю со лба локон волос. — Как поиски блудной мамы?

Руслан опускается на банкетку. Опирается локтями о колени, переплетает пальцы в замок.

— Ее ищут, — смотрит перед собой. — Глаш... — переводит на меня тяжелый и темный взгляд. — Я запутался.

Глава 23. Я зверски от всего устал

— Помнится, — хмыкаю я и шагаю мимо, — я говорила тебе то же самое. Что я запуталась.

Кидаю сумку на пол и прохожу в гостевую уборную. Мою руки. Руслан заходит, закрывает дверь, и я перевожу на него взгляд.

— Если запутался, то распутывайся, — пожимаю плечами. — Или ты ждешь, что я тебя начну распутывать?

— Возможно, — смотрит на меня через отражение. — Я в прошлый раз решил распутаться...

Молча разворачиваюсь к нему, скрещиваю руки на груди и приподнимаю бровь.

— Аглая, ведь эти пять лет я старался, — смотрит на меня и не моргает. — Или ты, правда, хотела бы, чтобы я тогда все сказал, как есть?

— Да, — медленно киваю. — И нет, Рус, я бы тогда не слетела с катушек и не полезла бы в петлю. Потому что момент с желанием влезть в петлю я пережила до того разговора о разводе. И эти мысли я отмела. Мне нравится твоя попытка оправдать себя тем, что ты о жене переживал. О ее жизни, о ее душевном спокойствии. Это дает такой флер благородства. Кстати, — усмехаюсь, — женатики так обычно мажутся перед любовницами, да? Я не могу уйти, потому что жена может с собой что-то сделать.

— Я не мог быть рядом с тобой тогда, Аглая, — сдавленно отзывается он. — Просто не мог.

— А сейчас можешь? Что изменилось?

— Я не знаю! — повышает он голос.

— Тогда ты все объяснил все тем, что уставал, что замотался, что не думал, — я взгляда не отвожу. — Что внимание отвлекали новые проекты.

— Это все было неправда.

— Сейчас-то понимаю, что неправда. А в чем правда, Рус? Может, в том, что ты меня разлюбил? — слабо улыбаюсь. — Может, тебе пора в этом признаться самому себе?

— Это не так, — поскрипывает зубами.

— От любимых не бегут, Рус, — усмехаюсь.

Ноздри вздрагивают, и он выходит из уборной. Хлопает дверью.

— Прелесть.

Я иду за ним:

— Я тебя не понимаю. Ты вроде как разговора со мной хотел. Нет?

— Я не могу с тобой говорить, — с рыком разворачивается ко мне. — Не могу! Как и тогда не смог! По этой же причине я уходил! Потому что не мог! Быть! Рядом! Даже подержать тебя за руку! Ясно? Это было невыносимо! И без разницы какой ты была! Грустной или веселой! Я не мог!

— Вот как? — смеюсь. — Хорошо. Со мной ты не мог быть, а наши дети? Почему с ними ты не мог быть?

— Я не знаю, — разводит руки в стороны. — Не знаю! Я помнил о встречах с директором, родительских собраниях, о выставках, о танцах. Я помнил, Аглая! Но я не приходил! А если заставлял себя, то опаздывал! И я понимал, что делаю! Я понимал, что вы ждете! Что вы обижаетесь! Я все это понимал! Я же не дебил!

Из гостиной выглядывает бледная Аня, и он рывкает:

— Иди смотреть мультики! И не лезь! Сиди тихо и не высовывайся!

А затем замолкает, когда в глазах Ани проскальзывает яркий детский страх, но она не подчиняется приказу, а смотрит на меня.

Она ищет во мне невербальные знаки, нужна ли мне помощь и должна ли она сейчас бросаться в бой.

— Ань, иди, — тихо проговариваю я. — Я в порядке. Я смогу постоять за себя.

— Он большой и злой...

— Меня это не пугает, — тихо отвечаю я. — Драться он не будет.

Аня с подозрением смотрит на Руслана, который закрывает глаза, сжимает переносицу и издает какой-то клокочуще отчаянный рык.

— Не будет? — Аня вновь смотрит на меня.

— Нет. Дядя Руслан злится, потому что серьезно облажался, но драться не будет. Вот в этом я точно уверена.

— А еще он был сегодня грустным, — Аня сдает Руслана с детской непосредственностью. — Потом мешал смотреть мультики, и я повредничала немножко. Он дурацкие вопросы про маму и папу задавал, и я тоже разозлилась.

— Аня, — сипло шепчет Руслан, — иди смотреть мультики. Я тебя заклинаю.

— Я не думаю, что я услышу от тебя хоть какой-то конкретики, — вздыхаю я. — Будет только ответ, что ты ничего не знаешь, Рус, но я тебя успокою. Вряд ли твоя конкретика хоть как-то удовлетворит меня.

— Скажи, что ты любишь тетю Агаю... — шепчет Аня.

Руслан недоуменно смотрит на нее, и она пожимает плечами:

— Вдруг поможет?

— Не поможет, — Руса, кажется, качнуло в сторону, а в глазах промелькнула темная тень.

— Почему?

— Потому что я, Аня, плохой дядя.

— Я это знаю.

— Я убежал от тети Аглаи, прятался от нее и встретил другую тетю. С этой тетей мы весело играли, а потом я решил, что это неправильно, но продолжил убежать. Потом та тетя, с которой я играл... — Руслан вздыхает, и его голос становится уставшим. — Аня, я твой настоящий папа. Вот так. Поэтому ты тут. Вот почему! И я зверски от всего этого устал.

Глава 24. Это неправда!

С пятилетками никогда не угадаешь, как они воспримут реальность, и ждать от них “адекватной” реакции тоже не стоит.

У них нет опыта.

Да и взрослые тоже очень редко в первый момент осознают, что происходит, когда на них обрушивается жестокая реальность со своими нелепыми фокусами.

Аня молчит с широко-распахнутыми глазами, а затем кричит:

— Нет! Нет! Нет! Ты врешь!

Самый важный период жизни маленькой девочки прокручен через мясорубку.

Ее крики не отзываются во мне болью, страхом или чем-то еще. Я просто стою и осознаю всю катастрофу девочки. Для ее души, для ее будущего, для ее взросления.

Чтобы пережить все то, что с ней приключилось, и войти в будущее человеком без страха и боли потребуется много сил, которые она сначала должна найти во взрослых.

Правда в том, что именно от нас зависит, какая жизнь будет у наших детей, и нежное детство в первые пять лет — самые важные.

Грубо говоря, то, чем их накормят в эти года, они и принесут в свою осознанную жизнь. Аню ждет ложь, жестокость близких и их холодная липкая нелюбовь.

Ее не любят.

Не любят.

Нет ничего страшнее нелюбви.

— Нет! — заходится в истерике. — Нет! Нет! Нет!

Я вижу замешательство и злость Руслана. И он, похоже, сам только понял, что ляпнул в порыве бессильной ярости.

Мужчины перед любимыми детьми теряются в момент истерик, а тут орет та, от которой он отказался с холодным расчетом, что он не при делах.

Он не знает, что предпринять. Это тебе не сделки с большими цифрами закрывать, не с такими же мужиками вести переговоры и не страшать подчиненных приказами и угрозами.

И мой выбор сейчас подойти к Ане, подхватить ее на руки и отнести в гостиную под крики и рев — осознанный сложный.

Мой выбор.

Было бы проще оставить ее в детском приемнике, устроить скандал с Русланом и поставить себя на первое место, приняв сладкую роль жертвы, которую обманули и обидели.

Да, в этом есть определенный кайф разрушать вокруг себя все из-за гнева и ненависти. Собирать чемоданы, лелея свою гордыню, выгонять мужа из квартиры с доминирующей позиции, оскорблять его, наслаждаясь грубостями. Это все про женскую власть в семье, потому что муж-изменщик теряет землю под ногами.

Я слишком многое пережила, чтобы мне понимать всю иллюзорность этой власти, потому что она про эгоизм.

Многие скажут о том, что не понимают, почему я так ношусь с “выродком” мужа. Во мне, что, нет гордости? И это же не моя проблема.

Многое в этом мире — не моя проблема.

Забавно, но те, кто придерживается принципа “не моя проблема” часто ждут от других того, что они должны быть для них важной персоной. Их должны понять, принять и не отталкивать.

Как мой муж.

Многое в мире было для Руслана “не его проблемой”, в том числе и я на определенном этапе его жизни, но зато сейчас он ждет от меня того, что я проникнусь его усталостью и тем, что он запутался.

Бедный и несчастный.

Очень удобная позиция, и главное — простая, потому что в ней существует только “я”, “я” и “я”.

Было бы в его голове “мы”, то не верещала бы на моих руках испуганная и отчаянная девочка, которая пришла в этот мир “выродком”.

Однажды я у входа в свою мастерскую нашла больную, плешистую и старую собаку. Мимо прошла тетка и сказала, что надо вызвать отлов, который решит с этой шавкой все вопросы. У меня тогда горел заказ, но я потратила весь день на то, чтобы отвезти собаку в ветеринарку и чтобы найти волонтеров.

Я потратила кучу денег, сил и времени, но собаку я спасла. Вместе с девочками-волонтерами мы нашли забитой, больной “шавке” хозяина, с которым “не моя проблема” прожила два сытых и безопасных года и ушла из жизни в теплых объятиях любящего человека.

В нашем мире много жестокости, много равнодушия и мало ответственности.

Старая брошенная собака и Аня — из одной песни, под которую я отказываюсь подпевать.

Отказываюсь понимать.

Не потому, что чужих детей не бывает. Все намного глубже, чем эта красивая банальность.

Дело в человеческой мразотности. В мразотности взрослых людей, которые приносят беды родным и чужим и легко втягивают других в эту грязь, вынуждая опускаться на их уровень.

Они заражают этой мерзостью окружающих в момент слабости.

Моя дочь была слабой, когда узнала об измене отца, и этот отец воспользовался этим, прикрываясь благородными мотивами. Потом я тоже могла уйти на дно, поддавшись обиде на Руслана и Анфису, и песня “не моя проблема” заиграла бы новыми мотивами.

Аня вырывается из моих рук и забивается в угол гостиной за креслом, как раненый зверек, который ничего не понимает. Ему больно и страшно.

— Нет... нет... нет... неправда...

Я хочу верить, что мама Ани не совсем пропадающая женщина и что она осознает весь кошмар, который творится с ее дочерью, но...

Чутье подсказывает, что маленькую девочку ждет новый вираж предательства и боли.

От ее души останутся только клочки.

А все могло быть иначе, если бы Руслан не струсил и если бы все тогда сказал.

Я не заигрываю и не лукавлю. Я бы предпочла правду, потому что человек, который готов быть честным, когда сложно, не позволил бы случиться такой трагедии.

Трагедии для меня.

Трагедии для нашей дочери.

Трагедии для Ани.

Никто не умер из нас физически, но морально мы все в крови. И скоро удар настигнет и нашего сына, который сейчас поет под гитару возле костра.

— Тащи эту суку сюда, — доносится глухой голос Руслана. — Не понял. Какие проблемы?

Глава 25. Тетя Аглая устала

— Анфиска передала, — заглядываю за кресло и протягиваю заплаканной Ане игрушку рыжего котенка.

Не надо сейчас лить медовым голосом, что Анфиса — старшая сестра.

Нет. Фокус должен быть на котенке.

Аня поднимает на меня заплаканный взгляд, осторожно забирает котенка и отворачивается с ним к стене.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — вкиваю я. — Ты хочешь посидеть тут?

— Да.

— Ну, посиди. Тут уютно, — вздыхаю я. — Можно еще подушек... Плед... Но так бы сделала я, — встаю и шагаю к дверям, — а тебе может без всего этого там нравится.

Я сейчас выйду, и Аня потащит в угол подушки и плед. Дети не такие сложные, если помнить себя в нежном возрасте.

Пусть обустроит себе норку, в которой она может спрятаться и затаиться.

Руслана нахожу в его кабинете. Расселся на кожаном диванчике, стучит пальцами по подлокотнику и смотрит в сторону окна.

— Ее нашли? — спрашиваю я, привалившись к косяку плечом. — И я пойму только две причины. Если она умерла и если она в больнице в коме.

— Нет, — сжимает пальцы в кулак на подлокотнике.

— Ее похитили и удерживают силой?

— Нет, — Руслан постукивает кулаком по подлокотнику.

— Мне, что, из тебя клещами все вытягивать?

— Муженек был прав, — переводит на меня уставший взгляд. — Она сбежала к новой любви, а любовь эта... как бы помягче выразиться... из круга сомнительных личностей, которые занимаются не совсем законными делами.

— Бандит, что ли?

— Ну, можно и так сказать. И ты не поверишь, — Руслан усмехается, — я так понял, что мне суровый бандит забил стрелку. Ему не понравилось, что кто-то ищет его телочку.

— Телочку? — повторяю я.

— Это не мои слова.

— С кем ты связался, Рус? — шурю я. — Что это за мразь такая?

Встает и подходит ко мне. Вновь усмехается:

— Подобное к подобному.

— Ну да, логично, — хмыкаю я. — Тут не поспоришь.

— Я отлучусь, — он едва заметно прищуривается. — Невежливо игнорировать приглашение побеседовать с серьезным человеком. И не вижу целесообразности брать с собой Аню, потому что я без понятия, чего ждать.

— А потом?

— Потом суп с котом, — бесцветно отвечает он. Выдерживает паузу и продолжает. — Все зависит от результата встречи, Аглая. Я пока не могу скинуть мамочку со счетов, ведь Аня ее ждет и жаждет к ней вернуться. Вдруг будет озарение?

— А если не будет?

— Вот и буду от этого плясать, милая. Я теперь не буду ничего загадывать, планировать, потому что все всегда идет по одному месту, — тяжело вздыхает. — И раз ты сама себя назвала передержкой для Ани, то придержи ее возле себя еще чуток, пока злой и плохой дядя пытается выцарапать ее мамочку.

— Проникся чувствами?

— Да не особо, — взгляда не отводит, — но согласишься у меня, в принципе, с этим проблемой.

— Да, еще какие.

— И у меня нет никакого желания выковыривать их, если что. Поэтому да, того разговора, на который ты рассчитываешь, у нас не произойдет. Ответов ты не получишь, потому что у меня их нет даже для самого себя.

— Ожидаемо.

— Но точно я могу сказать, что тогда я не хотел развода, — смотрит на меня и смотрит.

— И ни до этой мрази, как ты выразилась, ни после я тебе не изменял.

— Так она была особенной?

— Той, перед кем у меня не было никаких обязательств, — тихо и утомленно отвечает он. — Никаких чувств, а с тобой слишком много всего, Аглая. Я слишком многое я был должен тебе.

— Многое? — скрещиваю руки на груди, чтобы защититься от прямого и темного взгляда.

— Да.

Шагает прочь с прямой спиной. Высокий и широкоплечий. Скала, за которой я не нашла защиты.

Руслан заглядывает в гостиную.

— Ты останешься тут.

Накрываю лицо рукой. Без понятия, чего он ждет от такого менторского тона, который больше бы подошел сержанту.

— Ты меня слышишь?

Теперь я массирую переносицу. Голова болит.

— Я буду решать, как нам с тобой быть после того, как я найду твою маму, — тональность голоса Руслана не меняется. — Про папу у тебя теперь не должно быть вопросов.

Он вообще понимает, что разговаривает с пятилеткой?

— Тетя Аглая за тобой присмотрит.

Идет в прихожую, не дождавшись ответа, и обувается с такой рожей, будто ежа целиком проглотил.

И он с такой же рожей не раз уходил из дома в тот страшный для нашей семьи год.

— А тебе и ценных указаний не надо давать, — накидывает пальто на плечи и поправляет ворот, — ты же у нас всегда была умницей.

— Ага, — киваю я. — Ты мне не дал выбора кроме того, как быть сильной женщиной, которая сама выгребет и других за уши вытащит. Быть слабой — это привилегия, Рус.

— Ну, когда мы встретились с тобой, ты не была такой, — застегивает пальто, не спуская с меня взгляда. — Я бы не удивился, если бы не я в свое время, то ты бы так с родителями и жила.

— Жестко, — задумчиво покусываю нижнюю губу. — Но справедливо. Правда, ты тогда меня любил и хотел защитить. В тот год, когда ты убегал, ты стал моим палачом.

— Красиво сказано, — цыкает то ли с одобрением, то ли со снисходительностью и выходит. — Почти пробирает.

Дверной замок тихо щелкает, и я пару раз бьюсь затылком о стену.

Тетя Аглая устала и сама хочет к кому-нибудь на ручки.

Глава 26. Ты же ее родила

— Вы один? — спрашивает Саша, когда я поднимаюсь к нему на крыльцо бара, в котором мне забили встречу.

— Я вырос из штанишек пацанских разборок, — расстегиваю пальто. — Но ты иди.

У бара припарковано несколько машин, и все у нас тут по правилам: черные тачки, тонированные стекла, “понтовые номера”, чтобы все сразу поняли, что это “серьезные” люди приехали.

Господи, детский сад какой-то.

Меня ждут на втором ярусе бара.

Резкие дерзкие ребятки, что развалились в стороне от “босса”, широко расставив ноги. Такие опасные, что бубенчики мешают сидеть, как обычные люди. Рожи выражают презрение, глупую угрозу и дерзость. Шавки, что кинутся по приказу хозяина, и разорвут меня на части.

Не спорю, меня тоже привлекал в свое время такой флер “опасного мальчика”, за спиной которого стоят верные злые песики, но я перешел на другой уровень. Если ты боишься прийти один и тебе обязательно нужна свита, то ты слабое чмо.

Сам “босс” тоже старается всем видом показать, какой он отбитый. Только я поднимаюсь в сопровождении одного из его дружков, он ухмыляется, тянется к тарелке с мясной нарезкой и закидывает лоскут ветчины в рот.

Ничего примечательного. Обычная неприятная бандитская рожа с пустыми глазами. На носу и щеках — мелкие щербинки.

Рядом с ним восседает Вероника. Короткое платье, шубка на плечах, брюлики на шее и в ушах.

Чувствую глухое раздражение. Ее дочь забила в угол, спряталась под пледом, а эта дрянь цедит коктейль и культурно отдыхает с альфачом.

— Какие у тебя дела к моей девочке? — спрашивает дядя-бандит и вытирает жирные пальцы салфеткой.

Я сажусь, откидываюсь назад и перевожу взгляд на Веронику.

Я ее однажды просто решил подвезти. Стояла у дороги, голосовала, и я остановился. В ней не было ничего кроме милой мордашки. Она оставила свой номер на клочке бумажки со сладкой улыбкой, а я через пару дней позвонил.

В ней не было никакой глубины, но я этого и не искал. У меня жена была глубоким человеком, и эта глубина ее души меня тогда пугала. Я не вывозил Аглаю, а с Вероникой я просто отключался.

Это были отвратительные встречи. Пустые и без тепла. Я не видел в Веронике человека, да и она тоже не была влюбленной дурочкой, которой морочит голову мужик. Я оплачивал встречи, в которых я не был Русланом. В которых не было ни чувства вины, ни сожалений. Я отпускал себя, позволял мрази внутри меня выйти на свет и подышать полной грудью.

Правда, мне довольно быстро все надоело. Через полтора месяца я кинул на тумбочку деньги и сказал, что все, на этом мы заканчиваем. Сначала плакала, потом перешла к снисходительному презрению и оскорблениям, которые меня совершенно не тронули.

— Ты меня слышишь?

— У твоей девочки есть дочь, — смотрю на дядю-бандита, — которую она кинула.

— Она и твоя дочь, — Вероника хмыкает.

— У нас с тобой была договоренность, — цежу я сквозь зубы и зло шурю на нее, а самого начинает тошнить. — Если она тебе не нужна, то сделала бы аборт.

— Было поздно, — пожимает плечами.

Смотрю на дядю-бандита, который вскидывает бровь.

— Тебе, что, все равно?

— Тебе же тоже было все равно, — усмехается он. — А девочка-то тебе родная.

Замолкаю. И не поспоришь. Я смотрю в свое уродливое отражение. Чего я жду от него, если у самого ничего не дергалось в душе в эти пять лет.

— Договоренность поменялась, — дядя-бандит хмыкает.

Щелкает пальцами, и через минуту тощий мужик кидает на стол передо мной сумку. Вероника расплывается в улыбке.

— Что это?

— Те деньги, которые ты платил за договоренность с Вероникой, — дядя-бандит цыкает.

— На содержание твоей дочери. Пересчитай, забирай и проваливай.

— Ты думаешь дело в деньгах?

— А разве нет?

И я понимаю, что мне нечего ответить. Я ведь сам считал, что деньгами я решил проблему с Вероникой и Аней.

— Что не так? — дядя-бандит вскидывает бровь.

— Ты, правда, не понимаешь?

— Ну, поясни.

— Она бросила свою дочь...

— Как и ты.

— Я не планировал с ней ребенка, — чеканю каждый слог, но понимаю, что мои слова звучат совсем неубедительно. — Я узнал только постфактум... и мы пришли к тому, что я содержу ее семью.

— Все же дело в деньгах, — дядя-бандит шурится. — А говоришь, нет.

— С тобой рядом женщина, без совести и любви...

— А ты дохрена совестливый, — смеется. — Чо ты тут лечишь, а? — подается в мою сторону. — Или тебе жена яйца прищемила, вот ты и прибежал ныть о доченьке, которую бросили? Еще и мне мозги решил помыть.

— Вы ее били, — перевожу взгляд на Веронику, — унижали, шпыняли...

— Воспитывали, — Вероника кривит губы, — она сложный ребенок. Неуправляемый, капризный... У нее какие-то проблемы, и я устала. Теперь твоя очередь, папуля.

— Ты ее не любишь... — тихо отзываюсь я. — Ты же ее родила...

Я не имею никакого морального права говорить такие слова и взывать к совести, которой у меня самого нет.

Есть женщины, которые не любят своих детей. Они их убивают и бросают. В них нет трепета к маленьким ручкам и ножкам, потому что они пустые внутри.

— Она тебя ждет, Ника, — сглатываю ком тошноты. — Она любит тебя.

Нет. Я не хочу думать, что сейчас чувствует Аня, забившись в угол за креслом. Что она испытывает и как ей страшно в чужой квартире.

Меня сейчас вывернет на стол.

Я ничем не лучше Вероники. Я такой же кусок говна, а не человек.

— Я лишу тебя родительских прав, Ника, если ты сейчас не встанешь и не поедешь со мной за Аней, — не отвожу взгляда от презрительного лица. — А после, если ты вздумаешь появиться в ее жизни, я тебя с землей сравню.

— Ты можешь за такие слова отсюда живым не выйти, — дядя-бандит ухмыляется.

— А теперь ты меня послушай, — смотрю на него не мигая. — Проблема в том, что на мне повязаны многие большие сделки с серьезными людьми. Часть из них после моей смерти отменятся, часть заморозится, другая замедлится. Люди начнут терять деньги, будут злиться и искать меня, а выйдут на тебя. На мою смерть, как таковую, многим будет насрать, а вот на свои личные неудобства из-за сорванных сделок, нет. И причиной будешь ты и твое желание

показаться крутым. По носу щелкнут не потому, что меня любят и скорбят, а потому что... — вздыхаю. — Проблемы лишние нарисуются.

— Я тоже не последний человек.

— Ты прав. У меня именно к тебе не должно быть претензий, но вот с Никой я бы хотел прояснить ситуацию, — прячу руки в карманы пальто. — Мне надо понять, как быть с пятилетней девочкой, — вновь смотрю на Веронику. — У тебя только сейчас есть шанс все исправить.

Приглашаю в новинку “Предатель. В горе и радости” <https://litnet.com/ru/reader/predatel-v-gore-i-radosti-b469361?c=5482991>

Аннотация:

— Ты мне изменяешь! Я знаю!

Гордей взгляда не отводит. Не бледнеет. Не краснеет. И не просит меня успокоиться или поговорить.

— Ты так и будешь молчать?!

— Ты сейчас скажешь, что требуешь развод, — он шагает мимо меня, а затем оглядывается. — А я должен ответить, что развода не будет? Ты этого ждешь?

Подруга сказала, что видела моего мужа, с которым мы прожили пятнадцать лет в браке и родили двух детей, с другой женщиной. Он не стал оправдываться и ничего отрицать.

Но беда не приходит одна.

Глава 27. Смешная тетя Аглая

Аня все же выползает из своего укрытия. Мнется у кресла и смотрит на кружку какао на столике. Мнет котенка, бегло смотрит на меня и кусает губы.

Я делаю глоток из своей кружки, притворившись, что очень увлечена вечерними новостями.

— Это для меня? — кивает на кружку с какао.

— Да, — отвечаю спокойно и тихо. — Наверное, уже остыл.

Аня откладывает котенка, подходит к столику и двумя раками подхватывает кружку. Делает несколько жадных глотков, выдыхает и облизывается.

— Вкусно.

— Спасибо, — кошусь на нее и улыбаюсь. — Поплакала?

— Угу, — вновь прикладывается к кружке.

Опять тяжело вздыхает и отставляет кружку. Несмело подходит ко мне и забирается на диван.

— Я воды набрала в ванну, — делаю очередной глоток. — Надо тебя помыть перед сном. Я замечаю в ее глазах испуг. Шепчет:

— Я не люблю купаться. Можно не буду?

— Почему не любишь?

Молчит, жуёт губы и складывает руки на коленях.

— Я не умею мыться, — бубнит она, — и... ну... Мыло щипается, я плачу... мама злится... я опять плачу... и мочалки не люблю... от них тоже больно...

Ясно.

Мама психует, пока купает ревущую дочь. Сильно трет жесткой мочалкой, тянет волосы, когда их вспенивает.

— А еще... — Аня поднимает на меня взгляд, — я чуть не утонула... Никто мне не верит, но это правда.

Отставляю кружку с остатками холодного какао. Не существует таких культурных слов, которые бы описали весь этот кошмар.

— Поэтому боюсь.

— Тогда я тебе покажу один фокус с водой, — улыбаюсь я. — И для этого необязательно купаться. Просто хочу тебе кое-что показать.

— Что?

Встаю:

— Идем.

У двери оглядываюсь. Аня сидит и молчит.

— Я тебя не буду силой купать, — тихо отзываюсь я. — Я тебе обещаю. Ты мне веришь?

Аня чешет щеку, кивает и соскакивает с дивана.

И вот, мы в ванной комнате. Аня стоит у порога и не подходит ближе. Я вытаскиваю из ящика пластиковую бутылку с перламутровыми гранулами для ванн.

— Смотри. Это волшебная соль, — сажусь на бортик, открываю бутылку и засыпаю гранулы в воду. — От самих фей.

— Фей не бывает.

— Значит, меня обманули, — печально вздыхаю и медленно размешиваю теплу воду рукой.

Детское любопытство сильнее страха. Аня подходит к ванной, замирает у бортика и округляет глаза.

Вода переливается перламутровыми волнами и мелкими блестками.

— Ого, — шепчет он.

— И смотри, — поднимаю руку к свету, — блестит. Я почти фея.

Кожа вспыхивает искорками, и Аня опять охает. Затем она касается руками воды, смотрит на свои ладошки в мелком шиммере и переводит взгляд на меня:

— Я могу вся блестеть?

— Может быть, — неопределенно отвечаю я.

Трет нос и решительно снимает футболку. Через минуту она уже сидит в воде. Немного испуганная, но глаза горят тихим восторгом.

Набирает в ладошки воду и поливает плечи, а затем замечает розовую бутылку с гелем для душа. На этикетке — аппетитные клубнички.

— Хочешь понюхать? — подхватываю бутылку, с щелчком открываю ее и подношу к носу Ани.

— Ягодками пахнет.

— А на вкус не очень.

Аня удивленно смотрит на меня.

— Да, я пробовала его на вкус, — вздыхаю. — Невкусно. Горько и противно. Хочешь попробовать?

Недоверчиво распахивает глаза. Я встаю, наливаю в пластиковый стаканчик воды, и возвращаюсь к Ане.

— Давай кончиком языка, — протягиваю бутылку с гелем для душа. — Лизни.

Аня с сомнением касается языком густой капельки на крышке, фыркает, кривится и ей сую стакан с водой:

— Полощи рот, полощи. Фу, фу, фу, невкусно.

Полощет рот, выплевывает воду и взвизгивает:

— Невкусно!

— Да, совсем невкусно! Такой обман!

И Аня смеется. Звонко, беззаботно и громко. И я смеюсь, заразившись детским восторгом. Ненадолго мне становится легко и весело.

— Ты смешная, тетя Агая, — Аня хрюкает, — странная.

— Я знаю, — смахиваю слезу. — Ну... — выдыхаю. — Будем только блестеть или еще вкусно пахнуть клубничкой?

— Не знаю... — Аня неуверенно затихает.

— Давай ладошки, — протягиваю бутылку, — сама решишь.

Наливаю гель для душа в протянутые ладони, и Аня неуклюже размазывает его по шее и плечам. Потом груди. Помогаю ей встать, и Аня сосредоточенно намазывает живот. Даже тихо пыхтит.

— Я буду клубничной феей, — шепчет она и осторожно опускается в воду. Смотрит на меня. — А волосы?

— Сама или помочь?

— Помочь, — едва слышно отвечает Аня. — С тобой почему-то нестрашно.

Касаюсь ее щеки и вглядываюсь в детские глаза, в которых затаилась тоска, но сейчас Ане моя жалость ни к чему. Жалость — не про безопасность, уверенность и спокойствие. Руслан ее нехило потрянул своей правдой, которую, похоже, детская психика заблокировала.

— У меня три шампуня на выбор. Все перенюхаем?

Аня кротко кивает, смывает пену с плеч, разглядывая перламутровые разводы в воде.

— Так, — тянусь к бутылкам с шампунем на портике ванны. — Что у нас тут есть?

Глава 28. Ты знал

— Тетя Агая, — шепчет Аня в темноте. Замолкает на секунду и спрашивает еще тише.
— Она правда мой папа?

— Да, — смотрю перед собой. — Он твой папа.

Затихает, и я молчу.

— Ты за это на него обиделась?

— В том числе, Аня, — честно отвечаю я.

— А на меня почему не злишься?

— Потому что, Аня, ты тут ни в чем не виновата, — нахожу ее руку и мягко сжимаю. —
Послушай... Тебе сейчас ничего непонятно и очень страшно...

— Да.

— Но правда в том, что это не навсегда, — ласково говорю. — Ты хорошая и смелая девочка...

И слезы катятся по щекам. Почему именно сейчас?

— Значит, тот папа был прав, что я ему чужая, — шепчет Аня. — А мама... мама поэтому на меня злилась?

— Аня, я не знаю, что тебе ответить, — сдавленно отзываюсь, и слезы уже катятся по щекам. — Честное слово, не знаю. Я бы так хотела, чтобы все было иначе, но... как есть. Это так несправедливо, что тебе приходится задаваться сейчас сложными вопросами, на которые не ответит даже взрослый.

— Мама, наверное, не любит меня.

Из груди поднимается волна черного отчаяния перед детским разбитым сердечком, и я закусываю губы до боли. Слезы ручьем льются.

Я ложусь с Аней рядом и обнимаю ее.

— Она никогда так не лежала со мной, — Аня вздыхает.

И я пою Ане колыбельную, под которую засыпала Анфиска и Антошка. Про белого зайчика и луну.

Она засыпает под мой голос, и замолкает. Вслушиваюсь в ее дыхание, и осторожно сажусь, а после поднимаюсь на ноги. Вытираю слезы, стою несколько секунд в тишине и выхожу из комнаты, бесшумно прикрыв дверь за собой.

Приваливаюсь к стене.

Я должна себе признаться, что я хочу оставить Аню себе.

Я хочу защитить ее.

Укрыть под крылом.

И дать то, в чем ей отказала ей родная мать. Любовь. Безусловную любовь за то, что просто есть без всяких причин и условностей.

Без этой любви человек не сможет быть нормальным.

Если у меня с отцом проблемы, то у Руслана с матерью.

Моя свекровь — сложный человек, чью любовь надо было заслужить, и выбором Руслана она не была довольна, когда он привел меня с ней познакомиться.

Знакомство с ней было напряженным и полное неудобных вопросов к моей персоне. После этого она позвонила Руслану и, видимо, заявила, что не одобряет меня в качестве невестки, и он ей жестко сказал, чтобы она успокоилась.

Ну, она, можно сказать, успокоилась. На свадьбу не пришла, к внукам не рвалась и не рвется. Подозреваю, что до сих пор ждет, когда сын одумается и женится на нормальной женщине, а не на бледной оглобле.

Он никогда особо не вдавался в подробности своего детства. С матерью поддерживает связь, но теплоты между ними нет. Перспективный мальчик с большими амбициями разочаровал ее.

А его отец умер рано. Как-то Руслан неосторожно пошутил: папа решил, что лучше лечь в гроб, пока совсем уж не стал неудачником рядом с королевой.

— Может, в этом проблема?

— Может, в Руслане проснулись те демоны, которые зародились в его детской и подростковой душе?

— И сейчас я думаю, что тогда в юности он спасал не только меня от деспотичного отца, но и себя от требовательной и холодной матери.

— Мы ведь вцепились друг в друга, создали семью, в которой хотели оба укрыться.

— Щелкает замочная скважина. Я выхожу в прихожую.

— Руслан скидывает туфли, снимает пальто и набрасывает его на крючок вешалки. Смотрим друг на друга в тишине и не моргаем.

— Ты плакала? — наконец, спрашивает он.

— Я пожимаю плечами.

— А я проблевался, — шагает мимо в сторону кухни. — Вот уж не думал, что от кого-то может буквально тошнить.

— Следую за ним тихой тенью.

— Она спит? — оглядывается.

— Да, — останавливаюсь. — Только ты за порог, она и выползла.

— Мило, — кривит губы и заходит на кухню. — Страшный дядя напугал маленькую девочку.

— Наливает из графина воды в стакан и застывает каменным изваянием. Желваки играют на щеках.

— Глаш...

— Что?

— Наш брак ведь был хорошим, — опирается о столешницу кулаками. — Из всех этих лет я лишь год все пустил на самотек.

— Ну, ты еще пять лет потом лгал...

— Как бы я тебе все это сказал? — резко разворачивается ко мне.

— Ты действительно верил, что правда не вскроется?

— Я надеялся, — усмехается. — И да, я бы унес это с собой в могилу.

— И позволил бы Анфисе жить с этой ложью? — всматриваюсь в его глаза.

— Позволил бы, — тихо отвечает Руслан и взгляда не отводит, — ты не поймешь меня. И мне тебе этого не объяснить, Глаш, но это не отменяет того, что мне сейчас легче дышится. Ты не думай, что я все эти годы жил без сомнений и страха.

— Страх перед чем, Рус? Давай честно, — цыкаю я. — Я не та женщина, которая все рушит вокруг. Ты хочешь видеть меня такой, и, может, даже поверил в то, что я долбанная истеричка, но это не так. Я никогда не была такой. И знаешь, разговор о твоей интрижке на стороне не взорвался бы сборами чемоданов, угрозами и побегом. Ты бы, возможно, потерял штамп в паспорте, но остался бы отцом и человеком, с которым мы бы сохранили хорошие отношения.

— А на черта мне хорошие отношения, если мне нужна жена?

— А зачем она тебе? — делаю к нему шаг. — Зачем я тебе, как жена? А ты мне, как муж, Рус? Зачем мы друг другу, как супруги? Для чего, блин? Жить в одном доме, спать в одной кровати? Что для тебя брак? Семья? Ширма, за которой ты серьезный женатый человек? Привычка? Потому что так надо?

— Я не хотел тебя терять.

— Это полная чепуха, — цежу в его лицо. — Ты это сам прекрасно знаешь. Это просто очередные тупые слова, под которыми нет ничего, кроме желания оправдаться. Я не та женщина, Рус, которая покупается на подобный бред. Я смотрю на поступки. И я сейчас говорю не про героизм, ясно? Не про красивые жесты. Я знаю, что люди бывают уродами, я знаю, что они могут слабыми, я знаю, что им бывает страшно и стыдно, потому что я сама человек. Думаешь, во мне нет той тьмы, которая требует вышвырнуть маленькую девочку и сделать вид, что это не моя проблема? Ты считаешь, что я не хотела найти ласку и внимание у другого мужчины?

— Что?

— Да, хотела, — не отвожу взгляда. — Мне были нужны разговоры по душам, хотя бы кратковременная защита от истеричной дочери-подростка, капризного сына и равнодушного мужа-козла. Глоток воздуха. Каждый раз, когда я выходила из дома, у меня были мысли не возвращаться, бросить все. Никто из вас не ценил меня. Все только брали, брали, брали и брали! Но ничего не давали взамен! Ничего! Вы меня выжрали! Выжрали до дна. Вот зачем тебе со мной брак, чтобы жрать меня.

— Не говори так...

— Поэтому ты и испугался тогда, Руслан, — усмехаюсь. — И ничего не сказал про ребенка на стороне, ведь тогда бы пришлось отдавать себя, чтобы не случилось апокалипсиса. Отдавать больше, чем ты привык, нашим детям, отдавать часть себя мне, чтобы хоть что-то сохранить между нами, отдавать Ане кусочек души, чтобы спасти ее. И не говори, что ты не знал, какая у нее мать. Знал, Рус, знал, что она за женщина, но предпочел сделать вид, что не знаешь. Ты не debil, ты не идиот. Ты хорошо разбираешься в людях, а иначе бы тебя отымели все, кому не лень. Ты знал, что ждет этого младенца. Знал, что там не будет любви, заботы, защиты и безопасности. Знал, мерзавец, — у меня выступают слезы,, — что ее ждет.

Руслан отворачивается, подхватывает стакан с водой и делает глоток. Молчит несколько секунд и тихо говорит:

— Знал. И да, не хотел лишних проблем.

Глава 29. Не могу...

Я знаю, чего ждет от меня Аглая.

Такого же острого и сильного ответа, как и ее речь, в которой много обиды на мою несправедливость, равнодушие и побег от ответственности за семью.

Но я не смогу его дать.

У нас не выйдет того разговора, которого она жаждет и которого заслужила.

Потому что я не могу.

Потому что для начала надо разбить ледяную толстую корку льда и добраться того, чего я не хочу касаться.

Сейчас я опять готов сбежать, и даже с концами все бросить, потому что мне сейчас неприятно и страшно.

Страшно, потому что если расколоть ледяную броню, то меня захлестнет осознанием происходящего ужаса с моей женой, моими детьми и маленькой девочкой, которую бросили. В том числе и я обрек ее на пять лет несчастливого детства с жестокими людьми.

Но это не все, чего я боюсь.

Ведь эта корка льда стала нарастать до встречи с Вероникой и связался я с ней уже не способным правильно чувствовать и оценивать свои поступки.

Я не хочу...

Не хочу до скрипа в зубах нырять в этот бурлящий омут подо льдом.

— Рус, ты так и будешь молчать?

Но если не нырну, если не позволю разойтись трещинам по льду, то я совсем потеряю себя и не вернусь в того Руслана, который любил, защищал и был рядом.

Не поступил бы я так, например, в двадцать пять лет. Не было бы у меня любовницы, а после не скинул бы так ребенка, лишь бы не отсвечивал.

Нет, я не говорю о том, что воспылил любовью к девочке, которую не планировал, но было бы больше контроля с моей стороны или я бы придумал что-то другое. То, что бы защитило младенца от перспективы быть несчастным человеком.

Я мог найти тех, кто бы ее удочерил. Да многие бездетные пары были бы готовы принять в семью здорового младенца, которого бы я выкупил у Вероники.

Она бы продала ее.

Может, она на это и надеялась?

Было множество вариантов, и Аглая права, все они были завязаны на том, что мне пришлось бы вникать и отдавать.

— Руслан, — повторяет мое имя Аглая.

Я медленно разворачиваюсь к ней.

Она не права в том, что я ее разлюбил. Просто эта любовь ушла вместе с остальным под лед, и я позволил этому случиться, потому что мне стало больно находиться с ней.

Сейчас не больно.

Сейчас мне дико некомфортно, потому что она скребет коготками по льду, под которым вспыхивают тусклые огоньки моей привязанности к ней.

— Веронике Аня не нужна, — глухо говорю я.

— В этом мне пришлось самой удостовериться после вечернего купания, — она не отводит взгляда.

— У нее новая любовь... — хмыкаю, — если она вообще способна любить.

— А ты способен?

Стискиваю зубы. Царапает меня глубже. Без жалости.

— Я хочу уйти, Аглая, — судорожный выдох.

— Опять? — она вскидывает бровь.

— Да, опять. И не возвращаться. Больше не возвращаться к тебе.

— Я уже поняла, что я для тебя зло во плоти.

— Не зло, — вглядываюсь в ее глаза. — Женщина, с которой надо быть человеком. Не героем. Герои тоже, по сути, прячутся за красивыми поступками, да? А тебе не герой нужен.

— Нет, не герой, — слабо улыбается она, и по щеке катится слеза.

Ее когти уходят глубже, и я разворачиваюсь к ней спиной. Медленно выдыхаю, всматриваюсь в ночные тени за окном.

Не могу.

Меня вновь накрывает то чувство беспомощности, которая охватывала меня при виде кровавых простыней и бледного растерянного лица Аглаи.

Тогда она быстро накрывала постель одеялом, вставала и пятилась, чтобы я не видел и пятен на ее сорочке. И вместе со страхом в ее глазах, я видел стыд, от которого мне было больно.

По льду прошла трещина, и я хочу исчезнуть.

— Я не могу, Аглая...

— Но ты все еще не сбежал.

Я был бы согласен, чтобы мне ломали руки и ноги в те ранние часы, чем просыпаться от липкого чувства тревоги и понимать, что Аглая не спит, прижав руку к животу.

Да, Господи, да пусть каждое утро на протяжении всех этих лет мне бы ломали кости.

— Это ведь я хотел третьего ребенка... — закрываю глаза.

Молчание, и шепот через несколько секунд:

— Я тоже хотела третьего ребенка, — в голосе нет осуждения или боли.

Она ее прожила, а я не смог.

Я прятался под словами “у нас получится”, “не плачь” и “милая, все хорошо”. Я прятался под внешним спокойствием, потому что мужику нельзя сопلي распускать и он должен быть сильным.

Да вот только сила в ином. Не в сжатых зубах и собранности, когда жена заперлась в ванной и замачивает кровавые простыни.

Третью и четвертую простынь я уже просто сам сдирал с кровати и выкидывал, а после покупал новое постельное белье и матрасы, создавая иллюзию, что решил для себя проблему.

Ничерта я не решал. И ничего не пережил. Я отказывался это пропускать через душу, а после просто отдалился и от Аглаи, которая была олицетворением моей беспомощности. И я все еще беспомощен перед ней и нашим прошлым. И Аней, которая должна была быть дочерью моей жены.

— Я не могу...

Глава 30. Вот чего ты от меня ждала

Третьего ребенка мы пытались зачать после года Антошки. Конечно, анализы, врачи были, но случился первый выкидыш на раннем сроке, который объяснили, что такое бывает и ничего удивительного. И ничего страшного.

Мы выждали год. И опять выкидыш.

Опять анализы, осмотры, таблетки, чтобы подправить небольшой перекося в гормонах и через два года я после твердого ответа моего гинеколога, что можно пытаться вновь, опять забеременела. И история повторилась.

В последний раз я затаилась аж на четыре года. Следила за циклом, питанием, регулярно ходила на осмотры, но итог был один.

И ничего вразумительного от врачей я тогда не добила. Все сводилось к тому, что выкидыши на ранних сроках — частое явление.

Не долбила я свой организм беременностью за беременностью в короткий промежуток времени в маниакальном желании родить третьего ребенка.

Да я его хотела, но мы с Русланом правда пытались сделать все по правилам, но, видимо, не судьба и в моей матке счетчик стоял на двух детей.

После четвертой беременности мы уже поняли, что все. Это конец. Не быть третьему ребенку, и чтобы мы точно это поняли, мой организм улетел в сильный гормональный дисбаланс.

Врач пытался меня подбодрить и сказать, что “вот приведем расшалившиеся гормоны в порядок и можно еще разок”, но после моего тяжелого взгляда замолчала.

Я не имела власти над своим телом, которое отвергало Руслана, и теперь, всматриваясь в его глаза, я понимаю, что он, возможно, тогда пришел к этому же выводу.

А еще к тому, что у него в те дни с кровавыми простынями не было никакого контроля. Как и у меня, однако у мужчин мозги работают иначе.

Они заточены на решение проблемы, а как решить вопрос с женщиной, которая без видимой причины опять потеряла ребенка? И ведь мы все делали по уму, как по методичке, но ничего из этого не сработало.

И никто не может сказать почему.

Такое бывает, не расстраивайтесь и попробуйте вновь.

И впервые за все эти года Руслан сказал о третьем ребенке таким дрогнувшим голосом, будто из него пробивается та боль, которую он скрывал.

Я ее пережила и отпустила. Сейчас ничего в груди не кровоточит. Зарубцевалось, а у моего мужа все ушло на ту глубину, которую, возможно, уже не вычистить.

И не я должна это делать.

Я пыталась, а он закрылся, отдалился, а потом и вовсе покотился по наклонной в грязь, в которой отвлекся от самого себя.

Человек совершает ошибки лишь тогда, когда он от себя отворачивается, а если отвернулся, то и на любовь неспособен. На сочувствие, на жалость, потому что это те части нашей души, которые делают нам больно.

Увы, это и есть другая сторона тех эмоций, которые нас делает людьми.

Руслан не мог дать мне ту близость, которую я ждала, потому что пришлось бы самому признать, что он беспомощен и принять свой страх. Он убегал даже не от меня и детей, а от себя и своей слабости.

Он не мог быть рядом со мной, потому что я могла запустить своими слезами и объятиями необратимый процесс осознания тех чувств, которые бы его сильно потрясли.

— Вот чего ты хотела от меня...

— И чего же?

— Взять за руку и побыть рядом.

— Да, именно.

Руслан горько усмехается и садится за стол.

Рука в руке — это так просто и одновременно сложно. В теплых ладонях может быть много любви, поддержки, близости и доверия между двумя людьми, но мы это потеряли.

Для нас теперь переплести в молчании пальцы на кухне — невозможно.

Я не хочу, а Руслан не примет, потому что многое мне задолжал.

— Я должен установить отцовство, — говорит он тихо и отстраненно, — и запустить процесс лишения родительских прав. И скажи мне, чего ты сама хочешь от этой ситуации, — переводит на меня уставший взгляд. — В зависимости от этого, я очерчу себе направление.

— Я нужна ей, — я не отвожу взгляда, сглатываю и продолжаю шепотом, — а она мне.

Многие меня не поймут.

Я хочу принять девочку от грязной связи моего мужа с сомнительной женщиной? Да, хочу.

Поздно дергаться. Я знаю о ее существовании, я впустила ее в душу, и ее тень останется со мной. Мои мысли будут возвращаться и возвращаться к ней.

— Знаешь, я бы предпочел, чтобы ты была обычной женщиной, Аглая, — Руслан вздыхает. — Поэтому, наверное, я и убеждал себя, что ты истеричка. С истеричками легко, а ты же, дорогая... Как мы все объясним Антону?

— Так и объясним, дорогой, — сажусь напротив него.

— Ладно папаша гулящий, — он прищуривается, — но мать, которая приняла его дочь от другой женщины...

— Ну, что поделать, — спокойно отвечаю я, — у мамочки могут быть свои желания и свой взгляд на жизнь. Я вот не одобряю все эти походы, ночевки в горах и хочу, чтобы он сидел под моим крылышком и не высовывался, ведь вдруг ногу сломает, простудится, потеряется или его сожрет медведь.

— Там нет медведей.

— Сломает ногу и сурки обглодают, — я тоже шурюсь. — А потом в перспективе я могу не одобрить выбор его жены. Пятнадцать лет — хороший возраст, чтобы понять, что мама — это не собственность и что жизнь бывает вот такой.

А самой, конечно, очень страшно, но Антошку все равно ждет потрясение, которого не избежать. В любом случае, он узнает, что у него есть пятилетняя сестра.

— Тогда завтра плохого дядю ждет серьезный разговор с маленькой девочкой, а после он поедет к сыну, проверит, не сожрали ли его сурки и побеседует с ним, — встает.

— Но ты ведь его не оставишь с голодными сурками?

— Я привезу его к мамочке, — Руслан стягивает пиджак, — ведь и ей надо побеседовать с сыном и поделиться своим взглядом на жизнь. Поймет ли?

Глава 31. Закрой за мной, Глаша

— Твоя мама отказалась приехать за тобой, — говорит Руслан, не отводя взгляда от Ани. Она молчит и крепко держит котенка в своих маленьких ручках.

— Я ее нашел, Аня, но она...

Руслан замолкает, сжимает переносицу и медленно выдыхает. Я успела заметить, как дрожала его ладонь.

Я хочу заползти за плинтус маленьким тараканом, потому что сейчас я не желаю быть человеком.

То, что происходит сейчас — дикость.

— Она не придет за тобой, — Руслан убирает руку с лица и вновь смотрит на Аню, — и не жди ее.

Аня бледнеет и переводит на меня взгляд, и время в этот момент останавливается. Ее глаза отпечатываются в памяти ожогом.

— Он не врет, — едва слышно отвечаю я.

Не кричит, не ревет и даже не шевелится. Похожа на куколку, чьи глаза тускнеют.

— Она больше не твоя мама, — Руслан сжимает кулак на колене, — потому что мама это та, которая не бросает и не уходит.

Я сажусь на диван:

— Ты останешься здесь, со мной.

Я хотела сказать “хочу, чтобы ты осталась со мной”, однако сейчас Ане нужно твердое решение, которое подхватит ее в падении.

Она останется. Тетя Аглая ее не отпустит, не позволит забрать, не даст уйти или сбежать.

Она останется, потому что я беру на себя ответственность за ее жизнь. Аню важно сейчас ограничить властью взрослой женщины, а не мягкостью.

Аня так и молчит.

Я ждала сложного вопроса “Теперь ты моя мама?”, на который я бы не знала, как ответить, но его не последовало.

— Мне жаль, Аня, — шепчет Руслан, — но этой женщины больше не будет в твоей жизни. Больше она не будет на тебя кричать, бить, наказывать и говорить гадости. Все это допустил я, когда сам тебя бросил.

Вопрос “почему ты меня бросил?” тоже не рождается в тишине.

— Я трус, Аня. Все это вина моей трусости. Я испугался тебя, потому что могла быть разрушена моя жизнь, но теперь она разрушена у тебя. Я выбрал себя, — делает паузу и тихо продолжает, — и проиграл. Теперь я не в шутку признаю, что я плохой человек, который... лгал, убегал и предавал. И это было так легко, а сейчас... — судорожно выдыхает, — очень сложно. Сложно и стыдно смотреть в твои глаза.

Хмурится, отводит в сторону взгляд и молчит долгую напряженную минуту:

— И у тебя все будет хорошо, пусть сейчас страшно, — смотрит на меня, — потому что ты будешь с тетей Аглаей. Она сделает для тебя то, что не могли сделать другие. Защитить, полюбить и показать, что мир может быть другим. Хорошим, добрым и уютным. У нее получится перекрыть всю ту несправедливость, которая с тобой случилась, потому что она сама столкнулась с ней и выстояла, — медленный вдох, — одна.

Он медленно встает и выходит из комнаты под блеклым взглядом Ани, расстегивая верхние пуговицы на рубашке.

Вот он настоящий.

Уставший, растерянный, но вместе с тем осознавший, что настало время собирать камни.

Одному.

Без угроз, манипуляций и без жалости к себе такому одинокому, не понятому и не принятому.

Никто не кричал ему с ненавистью “проваливай, оставь меня и я тебе теперь никто”, но иногда слова и злоба не нужна, чтобы человек понял, что он у грани, за которую он перешагнет один.

Я знаю, что он не спал всю ночь и сидел в кабинете при тусклом свете настольной лампы.

Возможно, он ждал того, что я зайду и все же возьму его за руку, но я не пришла и не сказала, что я рядом.

Это был не бунт, не злость и не обида.

И не попытка наказать неверного мужа равнодушием.

Ему надо было проснуться, открыть глаза, увидеть себя, свои решения и осознать, что так нельзя жить. Со мной и без меня.

Я была готова к тому, что он все же уйдет, но он не сбежал и развернулся в сторону другого пути, на котором будет сложно и больно. На котором он примет разочарование детей, их злость, обиду, но у него будет шанс ответить на нее. Его не сразу услышат, однако сейчас шанс остаться отцом у него выше.

Да, будет отцом, который однажды струсил, который принял неверные решения, который обижал, но у него теперь есть право поговорить об этом.

— Иди сюда, — притягиваю к себе Аню, которая все еще сидит молчаливой куклой. — На улице солнышко и мы сейчас пойдем гулять.

Молчит.

— Возьмем с собой бутылочку компота, кусочки фруктов, маленькие бутербродики...

Так и молчит.

— Надо будет еще влажные салфетки взять, — продолжаю я.

Жизнь идет своим чередом, и она подхватит Аню в свой поток, пусть сейчас она закрылась.

Я не позволю ей уйти на дно и вытяну на солнце. Будет трудно и будет много сомнений.

— И тебе придется мне помочь подготовиться к прогулке, Аня, — встаю. — Я не умею аккуратно складывать фрукты в контейнер. Ты умеешь?

Поднимает на меня взгляд.

— Я чищу, режу, а ты складываешь, — взора не отвожу. — Как принято?

Неуверенно кивает, и я выхожу из гостиной.

В прихожей притормаживаю. Руслан у зеркала приглаживает волосы и смотрит на меня через отражение.

Его глаза стали другими, и я понимаю, что эти шесть лет в них было много тихого ожидания необратимого, а сейчас взгляд — чище.

— Мы с Антоном к вечеру будем. По пути заеду к Анфисе. Думаю, она пары прогуливает.

— Вероятно, но можно и прогулять, — пожимаю плечами и с небольшой усмешкой спрашиваю, — с подарком поедешь?

Он с одобрением хмыкает, оценив мою острую шпильку, и отвечает:

— Боюсь, что нет. Буду сам тем еще подарком.

— Ну, удачи, — прохожу мимо, и за мной топает молчаливая Аня.

Она останавливается, и я оглядываюсь. Держит у груди игрушечного котенка, а затем шагает к вешалке. Тянется к своему пальтишку, которое Руслан снимает.

Она лезет в карманы и что-то ищет, а затем раскрывает кулачок с белым овальным камушком и молча протягивает Руслану, сердито глядя на него.

— Вот подарочек Анфисе, — вздыхаю я. — От Ани. Спасибо за котенка.

Та кивает и поджимает губы.

— Понял, — Руслан подхватывает камушек, возвращает пальто на вешалку и торопливо выходит. — Закрой за мной, Глаша.

Глава 32. И что теперь?

— Что ты молчишь?

Анфиса держит в пальцах белый камешек и сглатывает. Поднимает взгляд:

— Это просто тупой камень, — голос ее дрожит, — тупой камень, а... — выступают слезы, — а мне его теперь не выкинуть.

Этот маленький камешек и меня жег через карман и весил для меня целую тонну. Детская чистая благодарность за игрушечного котенка из обычного супермаркета оказалась обжигающей душу ценностью.

Этот камень не продать и не выручить за него даже рубля, однако он не окажется опять на улице или помойке.

— Аня останется с мамой, — говорю я.

— А ты?

— Я займусь не очень увлекательными делами, — тихо отвечаю я. — Аня, увы, не щенок, и придется побегать по инстанциям, чтобы... установить отцовство, лишить родительских прав, оформить для нашей мамы удочерение...

— Я не об этом, — Анфиса сжимает камень в кулаке. — Ты и мама.. — неуверенно добавляет, — Аня?

— Развод сейчас все усложнит и затянет, — я пожимаю плечами, — однако это только официальный статус...

— Папа.

— Мне придется съехать, — медленно проговариваю я.

— Вот как?

— Мама не может отказаться от Ани, но со мной она быть не может, — постукиваю пальцами по столешнице.

— Все-таки развод? — Анфиса медленно выдыхает.

— Да, отложенный развод, — откидываюсь назад.

— Мама тебя выгоняет?

— Я бы хотел, чтобы она выгоняла, — усмехаюсь, — тогда бы я упирался. Нет, не выгоняет, потому что меня, как мужа, не существует. И это справедливо, Анфиска.

— Но она тебя любит же, — губы дрожат.

— И я ее люблю.

— И что?

— Нам будет больно быть друг с другом, Анфиса, — закрываю глаза. — На мне вина, у нее обида.

— Если она приняла Аню...

— Она ее приняла не как мою дочь, — тяжело вздыхаю. — А как девочку, которой нужна мама. И не в ней она видит причину всего, а во мне. Так и есть, Анфиска. Она выходила замуж за другого человека. Сейчас я... я правда моральный урод. И им было так легко быть, но, например, за эти пять лет мы с тобой ни разу так не сидели и откровенно не говорили. Я так давно не смотрел тебе в глаза, доча...

— Я сейчас зареву... — тяжело сглатывает. — Буду реветь и ругаться. Я... гадостей тебе наговорю! Я столько тебе не говорила! — вскакивает на ноги.

— Говори сейчас, — поднимаю взгляд.

Пора признать, что я был дерьмовым отцом для дочери, от которой я готов выслушать ее претензии, обиду и злость. Еще вчера я этого боялся.

— Я тебе столько скажу!

— Говори.

— Зачем я молчала, если вы все равно расходитесь?! — повышает голос. — Я хотела, чтобы вы были вместе! Я поверила, что ты все исправишь! А мы сделали все только хуже! Ты сделал!

Замолкает на несколько секунд и продолжает:

— Ты мне тогда был нужен! Тогда в пятнадцать лет! — уже кричит. — Ты! А тебя не было рядом! А потом я испугалась, что совсем тебя не будет у меня! У нас! Но это все было глупо!

Тогда с тестом на отцовство я не видел в ней столько боли и злости на меня. Да, были крики, но я отстранился от них, а теперь... теперь я вижу, как ранил свою дочь.

Тогда я зацепился за ее шантаж, потому что в нем я мог спрятать свою вину, а сейчас по мне расходится трещина за трещиной.

Больно.

Но я живой. Живой, черт возьми, и чувствую, что Анфиса мне дорога сейчас, как никогда. Злая, обиженная, громкая. Пусть отталкивает, пусть кричит, пусть обзывается, пусть рушит все вокруг.

Пусть даже ненавидит меня лютой дочерней ненавистью, но я люблю ее, и эта любовь пробивается острыми шипами в легкие.

Мне не загладить эту вину, ничего не исправить, но я теперь вижу эту кровоточащую рану в ее груди, и жить мне с этим до конца своих дней, осознавая, что я раздавил ее в угоду своего эгоизма.

Своего удобства.

— Ты был плохим отцом! — она бьет кулаком по столу, сжимая белый камешек. — Для всех нас! Для меня, для Антошки! А я дочерью плохой была для мамы! Я ее ненавидела! Ее винила, что тебя не было с нами рядом! Ты ведь даже не знаешь, как я кричала на нее! Какими словами бросалась! Но она все равно была со мной! Я знала, что какой бы я тварью ни была, она меня любит! И знаешь, что?! Я помогу ей сейчас! Я буду с ней! Буду сестрой Ане! Потому что она ни на секунду не дала усомниться в ее любви! А я ее проверяла! Проверяла, папа! Я бы саму себя возненавидела, но не она! И Антошке она не позволила от меня отдалиться! Будь только ты у нас... — она слабо улыбается, — то все бы было плохо.

— Я знаю, — глухо отвечаю я.

— Я поняла еще вчера, что она не отпустит Аню, — шмыгает. — Не позволит тебе ее окончательно изуродовать, и хотела... так хотела сказать, чтобы она делала выбор между мной и Аней, но... я приму ее решение, потому что оно смелое, папа, и честное, а я так устала ото лжи. Она нас не спасла.

— Нет, не спасла, — качаю головой. — И я сам это начинаю это понимать только сейчас.

Молчит и садится за стол. Откладывает камешек, несколько секунд смотрит на него и переводит на меня взгляд:

— И куда ты съедешь?

Глава 33. Не судьба

— Антон...

Мы с сыном стоим на берегу озера. Под ногами — влажная галька, над головами — низкое серое небо.

Холодно и противно.

Смотрю в спину Антона, который устался на водную рябь и поправляет шапку.

Его радость, что я приехал, сменилась угрюмым молчанием.

— Антон... Я знаю, что ты сейчас обескуражен...

Мой сын резко ко мне разворачивается и награждает неуклюжим, но яростным ударом в скулу.

Под гневом и обидой его выпад выходит резким, но неумелым. От встречи с моей скуловой костью его пальцы тихо похрустывают.

Меня ведет немного в сторону, а Антон рывкает:

— Блин! — и трясет рукой.

— Я же учил тебя, как надо бить, — прижимаю руку к лицу.

— Да пошел ты!

— Давай еще раз, — медленно выдыхаю я. — Кулак не должен так болтаться.

— Да в жопу тебя!

Убираю руку с лица.

— Ты, что ли, баба, чтобы жопами и словами закидывать меня?

Это девочкам полезно покричать, поплакать, а мальчикам еще важно выплеснуть агрессию.

Для нас слова зачастую ничего не значат, и к осознанию того, что можно говорить, мы приходим слишком поздно.

И Антон не позволит сейчас себе плакать, потому что... он же мужик, а мужики не плачут, нюни не распускают и словоблудием не занимаются.

А что мы делаем?

Мы пугаемся боли, прячем ее поглубже, отстраняемся и делаем вид, что нас ничего не трогает, а потом действительно мало, что начинает волновать.

— Проваливай, — Антон шагает прочь.

Да вот разбежался.

Я его за капюшон хватаю, рывком тяну его к себе и встряхиваю:

— А разговор не окончен.

Я должен освободить его этой первой ярости и обиды, которую он тушит в себе. Нет, я не жду, что после потасовки, он простит меня и мы обнимемся.

Он должен прожить гнев.

Рядом со мной.

Сейчас я это понимаю, и к этой простой истине меня все годы толкала Аглая.

Быть рядом.

Когда страшно, обидно и больно.

Нет ничего особенного быть с человеком, когда все хорошо. Смысл семьи не в этом.

Защитить, укрыть и не уходить.

Я — отец, который заслуживает криков, плача, оскорблений и драки. Я не защитил и предал семью, и только Аглая не отступала, понимая, что если она сейчас струсит, то катастрофы не избежать.

Антон волчком кидается на меня.

Кричит, рычит, толкает в грудь.

Пытается опять ударить, но я уворачиваюсь, и это подкидывает его в гнев на новый виток, после которого я принимаю пару тумачков.

Отвечаю Антону только блоками, но не позволяю себе его ударить. Я в любом случае сильнее.

— Урод! — кричит Антон.

Когда он все же выдыхается, когда уже пошатывается, я привлекаю его к себе.

— Прости меня.

Вырывается, брыкается, но я его сдерживаю в объятиях.

— Я виноват, так виноват, Антон... Перед всеми вами, но я струсил...

— Ненавижу тебя!

— Я знаю, знаю.

— Оставь меня, проваливай! К черту тебя!

— Не оставлю.

Он все же выкручивается из моего захвата, отталкивает и наносит сильный удар, который сносит меня с ног.

Я падаю на холодную гальку, которая хрустит подо мной. В глазах ненадолго темнеет, накатывает тошнота. На фоне серого неба — размытая фигура моего сына.

— Вот это был... отличный удар, — шепчу я.

Антон выдыхает, отступает, но не уходит. Опускается рядом, срывает шапку и кидает ее в меня, а затем обхватывает голову.

— Шапку верни на место, — тяжело сглатываю.

— Пошел ты.

— Надень шапку, — повторяю я. — Ты маме обещал в шапке ходить.

— Да пошел ты! — вырывает из моих рук шапку и зло возвращает ее на голову.

Еще не мужчина, но уже не мальчик. Я вижу в нем свои черты, и мне становится тошно от того, что не смог стать тем отцом, на которого хочется равняться.

Теперь я тот отец, который уничтожил семью.

— Ненавижу...

Он лжет. В нем нет ненависти. В нем много любви, и она отравлена обидой и предательством.

И это куда хуже ненависти.

Ненависть не предполагает попыток понять человека, искать причины, а любовь — да.

— Антон, — шепчу я, — я облажался...

— Облажался? — в ярости смотрит на меня и повышает голос. — Облажался?!

— Согласен, не то слово...

— Значит, у меня теперь еще одна сестра есть? Одной мне было недостаточно?! — замолкает и шипит. — И Анфиса знала, да? Знала?

Не дожидается моего ответа и усмехается:

— Обалдеть, — переводит взгляд на озеро. — Она знала... Вот же... И мне не сказала... Ничего не сказала...

— Не вини ее, она не могла сказать.

— Ну, конечно, — шипит, — любимая доченька, да? Теперь все понятно, пап.

— Мне нечем крыть, Антон.

— И теперь мама будет воспитывать эту..., — шуруется на меня, — эту девочку? Мамочкой для нее станет?

— Она хочет этого, — глухо отвечаю.

— Конечно! — рывкает Антон. — А своего родить не судьба?! Своего! Нашего! Нашего, блин! Нашу девочку! Или мальчика!

— Не судьба, — сажусь и смотрю на воду, которая идет крупной рябью под порывом ветра, — мы пытались, Антон. Не вышло, — перевожу взгляд на бледного сына. — Мы хотели еще нашего мальчика или нашу девочку, но не судьба.

Глава 34. Пошел ты

Аня так и не проронила ни слова после утреннего заявления Руслана. Не истерит, не плачет, но и не говорит.

Сидит в песочнице, копается в песке, затерявшись в своих детских мыслях и страхах. Периодически смотрит на меня тайком. Может, проверяет, сбежала я или нет.

— Прогуливаешь? — спрашиваю я, когда рядом на скамью садится заплаканная Анфиса.

— Да, — отвечает она. — Может, вообще брошу универ.

Перевожу на нее уставший взгляд и говорю:

— Если ты действительно этого хочешь, то не трать время.

— Угрозы с тобой совсем не работают.

— Нет, — вздыхаю и поправляю берет на ее голове. — Вот будь у меня любовник, то у тебя бы не вышло меня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.